

САРА ПУРПУРА

Все время
мира

Клуб романтики

Сара Пурпура
Все время мира

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)44

Пурпура С.

Все время мира / С. Пурпура — «Издательство АСТ»,
2018 — (Клуб романтики)

ISBN 978-5-17-152130-1

Когда Дезмонда помещают в приемную семью Керпер, он не может скрыть своего гнева. Это очередная попытка приюта найти ему дом, и он уверен, что скоро вернется обратно — как ненужная посылка. Жизнь в богатой семье — это шаг к заветной мечте стать профессиональным футболистом. Но у его стремления есть серьезное препятствие: влечение к Анаис, девушке, которая, скорее всего, станет его сестрой. Анаис дает ему почувствовать, что он чего-то стоит, что он важен и любим. Дез, кажется, единственный, кто по-настоящему ее понимает. Он действительно видит ее, и Анаис цепляется за это, чтобы бороться с болью. Смогут ли две одинокие души заглянуть за пределы себя? Нет стен, за которыми можно спрятаться, если сердце забьет новый ритм. Вместо этого нужно прислушаться к крику своей души и убедить себя, что ты заслуживаешь счастья.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)44

ISBN 978-5-17-152130-1

© Пурпура С., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	18
5	22
6	25
7	31
8	36
9	42
10	48
11	51
12	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сара Пурпура

Все время мира

Моей матери
Потому что, несмотря ни на что, ты всегда была для меня
Любовью

Sara Purpura
Tutto il tempo del mondo

* * *

© 2018 Mondadori Libri S.p.A., Milano, Italy
© Каузов Ф. В., перевод на русский язык, 2023
© Усманова Диана, иллюстрация, 2023
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2024

1

Анаис

Есть дни, когда я хочу кричать, но знаю, что никто не станет меня слушать.

Сейчас самый обычный вечер. Из тех, за которым следует длинная ночь, когда я остаюсь наедине со своими мыслями.

Снаружи льет дождь, и я не стала закрывать окно занавесками в надежде, что шум дождя меня убаюкает. Я понапрасну пытаюсь заснуть, ворочаюсь и снова и снова меняю положение тела, однако сон так и не хочет освободить меня от этого мучения.

Я – капитан команды чирлидеров своей школы. Это значит, что я должна выкладываться больше, чем все остальные, и сегодня тренировка действительно была интенсивной. Все мои мышцы онемели, но даже это не помогает мне заснуть.

Скоро пробьет полночь, и весь дом погрузится в полнейшую тишину. Сегодня вечером было очень больно засовывать два пальца в горло. Когда я не делаю так сразу после еды, то вызывать рвоту бывает довольно-таки сложно.

Мое горло еще горит, и я сажусь, чтобы выпить немного воды.

Замечаю, что дождь закончился и на небе не осталось ни облачка. Я вижу полную луну, которая выглядывает высоко-высоко на небе, и мое воображение разыгрывается не на шутку: мне кажется, что сверху нежным взглядом смотрит на своих детей заботливая мать.

Взгляд, который я никогда не видела в своей жизни.

На диване вибрирует мобильник. Встаю. Пришло сообщение от Евы, и на миг мне хочется его просто проигнорировать.

«Зайдешь в скайп?» – просит она.

Моя сестра учится в Университете Сан-Франциско. Она на два года старше меня и собирается стать врачом, как наш отец.

Не могу сказать, что у нее был большой выбор...

Со временем стало казаться, что мечта великого кардиохирурга Мэттью Керпера стала и ее мечтой, но я не знаю, так ли это на самом деле. Чем старше мы становились, тем сложнее было разобраться в наших собственных желаниях, так что мы просто приняли, что родители все решили за нас.

Мобильник гудит еще раз. Очередное сообщение.

Черт. Я просто хотела закрыть глаза и забыться во сне, но Ева не даст мне покоя, пока не убедится, что со мной все в порядке. Так что я включаю компьютер и жду ее видеозвонка.

Когда я вижу на мониторе ее улыбку, у меня замирает сердце. Мне очень сильно не хватает сестры, и хотя с отъезда Евы прошел целый год, до сих пор не могу привыкнуть, что ее нет рядом.

– Привет! Я тебя разбудила? – спрашивает Ева.

– По правде говоря, я еще не заснула. А тебе самой еще не пора ложиться?

– Сегодня – пятница, так что наш кампус еще не спит, вот я и захотела услышать тебя.

– Это звучит слишком сентиментально даже для такого романтика, как я, не говоря уж о тебе. Что случилось?

Лицо сестры сразу стало серьезным.

– Ничего серьезного. Я просто узнала, что папа с мамой опять уехали, и ты там совсем одна, а мне это не нравится.

Линда... Должно быть, она созвонилась с нашей домработницей.

– Сестричка, если ты не забыла, то я уже совсем взрослая и могу о себе позаботиться, – я пытаюсь обратить все в шутку.

Однако она по-прежнему непреклонна.

– Послушай, милая, ты не должна меня обманывать. Они уже начали на тебя давить?

При этих словах я чувствую, как слезы одна за другой начинают течь по лицу, и пытаюсь не дать себе расплакаться.

Кажется, моя судьба тоже предрешена.

Я стану врачом, хотя даже не переносу вида крови. Это злая шутка, но в какой-то момент угождать отцу стало обязательным, а наши собственные мечты затаились где-то глубоко внутри нас, и мы просто прекратили к ним прислушиваться.

– Анаис, я знаю, что ты испытываешь, ты понимаешь? – говорит Ева.

– Конечно, ты это знаешь. Ты чувствовала то же самое до прошлого года, – отвечаю я.

– Но у меня была ты. А кто есть у тебя?

Это мой выпускной год в школе. Мне нужно подать заявление, чтобы меня зачислили в тот же самый колледж, в котором учился мой отец, но я продолжаю тянуть время в надежде набраться храбрости и сказать ему, что не хочу туда поступать. Сказать, что у меня другие мечты. Колледж литературы и науки в Лос-Анджелесе стал бы идеальным вариантом для меня, но когда я заикнулась ему об этом, случилась маленькая трагедия.

– Ты вернешься домой? – Я спрашиваю сестру об этом, потому что очень сильно хочу ее увидеть снова, а еще чтобы сменить тему. Мне не хочется, чтобы она за меня беспокоилась.

В прошлый раз, когда она была рядом, ее насторожили мои постоянные побеги в ванную комнату, и однажды она поймала меня на пороге. Сестра все слышала, и мне пришлось солгать, будто бы у меня случилось несварение желудка. Она сделала вид, что поверила, однако с тех пор всю за мной приглядывает.

– Я скоро вернусь, осталось сдать всего два экзамена, – Ева разочарованно вздыхает, поскольку я, как обычно, ничего ей не рассказала. – Давай-ка ложись, сестренка. Позвоню тебе завтра.

Я улыбаюсь в ответ, пытаюсь не выдать себя взглядом, и выключаю компьютер.

После я снова подхожу к окну. С улицы тянет прохладой, и я обнимаю себя обеими руками. Дождь разошелся пуще прежнего, и его струи мелькают разноцветными бликами в свете фонарей за окном.

Мой взгляд теряется среди теней в саду. Я вижу себя, маленькую девочку, которая гоняется за бабочками на этой лужайке. Это воспоминание приковывает к себе все мое воображение и рисует на оконном стекле картинки прошлого. Когда-то я была счастливой. Мир снаружи был огромным, но я не испытывала перед ним никакого страха. Затем я выросла, а реальность сжалась. Теперь я вижу лишь эшафот, который соорудила, поскольку этого требует от меня моя семья: быть капитаном команды чирлидеров, невестой квотербека школьной сборной, красоткой-блондинкой с суперфигурой, идеальной ученицей, которая приводит всех в восхищение. Оболочка, внутри которой я задыхаюсь с каждым днем все больше и больше и от которой никак не могу освободиться...

Ненавижу то, что я вижу.

Ненавижу свою мать и ее преклонение перед диетами.

Ненавижу своего отца, который не замечает меня настоящую.

Ненавижу те дни, когда я хочу кричать, даже если никто не станет меня слушать.

Ненавижу, что не могу быть той семнадцатилетней девчонкой, которой хочу быть.

Я спрашиваю себя, когда все изменилось и был ли вообще момент, когда все могло пойти как надо. Иногда нужен один поцелуй, одно объятие, обычная ласка. Я никогда не получала ничего подобного, и со временем отдала своей семье всю власть над собой.

Я задерживаю шторы, оставляя снаружи мир, о котором мечтала. Ложусь в кровать, обнимаю собственное одиночество и с безмолвным криком утыкаюсь в подушку.

2

Анаис

Когда ты по-настоящему являешься собой, ты понимаешь того, кто хотел быть с тобой рядом.

Опаздываю!

Я не услышала будильник, и теперь у меня лишь пара минут, чтобы привести себя в порядок и добежать до школы.

В спешке чищу зубы, собираю волосы в небрежный пучок, натягиваю первые попавшиеся под руку джинсы и красную тенниску с логотипом бара, в котором успела отработать лишь пару недель, прежде чем отец заставил меня бросить это занятие, поскольку посчитал его недостойным. Затем надеваю кроссовки и спускаюсь вниз. Мама с вялым видом готовит завтрак. Она не любит возиться на кухне, но у нее нет выбора: сегодня у Линды выходной.

Отец сидит за столом и листает газету. Никто из родителей не достаивает меня даже взглядом, что меня радует, поскольку мать точно устроила бы мне разнос за мой внешний вид.

Однако, как только она меня замечает, тут же произносит вежливым, но бесстрастным тоном: «Не поздно ли, Анаис?» При этом ее взгляд сосредоточен на сковородке, на которой жарятся блинчики.

Мне хочется ответить ей, что если бы она проявила заботу и пришла меня разбудить, то сейчас бы я не опаздывала, но мои родители считают, что их дочери полностью отвечают за свои действия и должны подниматься вовремя сами.

Я гляжу на часы: действительно, уже очень поздно и я не успею на первый урок. Я могла бы схватить яблоко и выскочить из дома, но мать меня останавливает:

– А ну-ка садись и завтракай! – резко бросает она мне. Ее глаза излучают гнев, однако потом она просто качает головой и меняет тон.

– Нам с отцом нужно с тобой поговорить.

Черт! Видать, все по-настоящему серьезно, раз у нее нет времени устроить мне взбучку.

В моей голове звучит сигнал тревоги. Наверняка они снова готовы завести один из своих обычных разговоров, цель которых мне хорошо известна. Но сегодня у меня нет никакого желания их слушать, что бы они ни собирались мне сказать или приказать... Или как бы ни хотели меня отругать.

Я усаживаюсь рядом с отцом, который со своей неизменной выхолощенной невозмутимостью откладывает газету и произносит: «Доброе утро, Анаис».

Почему этот человек никогда не улыбается?

– Доброе утро, папа, – отвечаю я.

– Нам хотелось бы, чтобы здесь была и Ева, но тогда будет уже слишком поздно, так что мы сообщим ей обо всем по телефону.

О нет! Грядет что-то серьезное, так что я напрягаюсь и ловлю каждое его слово.

Мать ставит на стол подальше от меня – боже, как же она не хочет, чтобы я растолстела! – полную тарелку политых кленовым сиропом блинчиков, молоко и свежавыжатый апельсиновый сок.

Вкусный аромат раззадоривает мое обоняние, однако мой желудок, напротив, сжимается.

Меня начинает тошнить.

Наконец мама тоже садится за стол и вступает в разговор:

– Ты ведь знаешь, что частная клиника твоего отца пользуется огромным уважением. Это означает, что есть куча инвесторов – друзей и партнеров, – которые верят в него и поддерживают его... Боже мой, Анаис! Ты же не собираешься идти в школу в таком виде?

Черт! Зря я надеялась улизнуть!

Ее взгляд обращен на меня, и я натягиваю рукава, почти пряча кисти. Вчера я оставила новые порезы на руках. Не слишком глубокие, но все равно заметно.

– Мы решили принять участие в одной инициативе. На нее согласились все авторитетные лица этого города, – продолжает отец, не обращая внимания на лицо мамы, которое искривилось от вида моей одежды. – Это преумножит уважение финансовых партнеров, и возможные инвестиции позволят нам открыть новый педиатрический филиал.

Его голос становится мягче. Мне даже кажется, что отцу неудобно. Я не привыкла видеть его таким и совсем не понимаю, зачем мои родители пытаются посвятить меня в свои дела. Раньше они никогда этого не делали.

Я молчу дольше положенного, и отец фыркает: «Анаис, на твоём месте было бы вежливо проявить хотя бы чуточку любопытства».

Ах да! Меня должно интересовать все, что связано с ним.

– Итак, – он начинает беспокойно постукивать рукой по столу, – мы решили стать участниками проекта по усыновлению.

Что вообще происходит...

– Усыновление? – выдавливаю я с изумлением.

– В Ирвайне есть специальный центр. Сейчас там настоящий хаос. В нем живут подростки, которых никто не хочет взять себе, поскольку они уже вышли из обычного для усыновления возраста. Им нужно найти дом как можно скорее.

Дети, которых никто не хотел...

Подростки, которые никому больше не нужны.

Я нервно сглатываю, когда силюсь представить, что значит быть отвергнутыми. Поступок моих родителей, безусловно, благороден, однако я по-прежнему не могу прийти в себя от этой новости.

Отец решает подсластить пилюлю и продолжает: «Это акт милосердия, Анаис. Для юноши, которого нам доверят, это будет временной ситуацией, но в конце первого года, по достижению совершеннолетия, он может согласиться на усыновление и взять нашу фамилию».

Юноша... Значит, здесь появится парень, и это уже решено.

Один бог знает, как сильно мои родители хотят продемонстрировать миру свою щедрость, однако на этот раз поступок кажется по-настоящему хорошим, и я не уверена, что своим молчанием отреагировала должным образом на эту новость.

– Я рада, – наконец выдавливаю я из себя. – Вы можете на меня положиться, однако сейчас... – я хватаю яблоко и мысленно благодарю этот разговор за то, что он позволил мне избежать завтрака. – Мне нужно идти, или я пропущу и второй урок.

Вокруг ничего не поменялось. Думаю, они приняли мое согласие как должное. Моя мать всплеснула руками лишь по поводу моего внешнего вида. Отец же, глядя на мою тенниску, даже не вспомнил о тех яростных спорах, что были между нами всего лишь пару месяцев назад. Пусть он, кажется, и в смятении, но сейчас просто поставил меня перед фактом. В действительности мое мнение ничего для них не значило.

Я выхожу из дома и думаю, кем будет этот парень. Я задаюсь вопросом, будет ли он младше меня, или, возможно, окажется моим ровесником. И все-таки целый год с Керперами... Сомневаюсь, что тот, кто познакомится с нами поближе, захочет остаться в нашей семье навсегда. Я сажусь за руль своего «Шевроле Спарк» – подарок от родителей на шестнадцатилетие. Да, я хожу в престижную школу, где учатся богатые дети, а мой парень, Брайан Майлс, одним прекрасным днем станет хозяином сети фешенебельных отелей своего отца.

А еще он – кватербек школьной сборной. Все очевидно. И пока внешне я выказываю восторг от того, насколько моя жизнь выглядит идеальной, внутри себя я чувствую нарастающее раздражение, потому что в действительности моя жизнь совсем далека от идеала.

Я подъезжаю к школе. Место на парковке по соседству с машиной Брайана свободно. Никто не занимает его, как будто около них стоят указатели с нашими именами. Еще в конце прошлого года все эти привилегии казались мне очень важными, но теперь, наоборот, они начинают меня душить.

На парковке я встречаю своего парня.

– Привет, красотка, – он обнимает меня и целует, а затем окидывает меня взглядом и хмурит брови. – Что с тобой стряслось сегодня утром?

Мой внешний вид в этот момент, конечно, далек от облика мисс Вселенной, а моего парня всегда раздражает, если я не выгляжу идеально.

Я пожимаю плечами. Его мнение интересует меня с каждым разом все меньше и меньше, и если бы я могла наплевать еще и на родительские ожидания, то прекратила бы засовывать себе два пальца в горло или резать себя каждый раз, стоит им только неодобрительно на меня посмотреть.

– Поможешь мне? – спрашиваю я Брайана и протягиваю ему рюкзак.

Мы направляемся к зданию школы.

– Ты не должен пропускать занятия из-за меня.

– Это не проблема, – Брайан улыбается в ответ. – Почему ты опоздала?

– Не услышала будильник, а пока собиралась, родители решили шокировать меня новостью.

– Это какой?

Пока мы идем по пустому длинному коридору к кабинету литературы, я делаю глубокий вдох, который хорошо слышен в окружающей нас тишине, и выпаливаю: «Кажется, у меня скоро появится брат».

Брайан застывает как вкопанный, и когда я соображаю, что он остался позади, тоже остаю навливаясь.

– Вот это Керперы! Зачали еще одного... – Брайан восклицает на весь коридор.

Только в этот момент до меня доходит, что он все неправильно понял.

– Да нет же, кретин! Моя мать не беременна!

Он растерян.

– Но ты ведь только что сказала...

– Существует проект усыновления, – торопливо объясняю я. – В нем участвуют, похоже, все богатые семьи Сан-Диего, а ты знаешь моего отца. У него всегда полно амбициозных идей по развитию своей клиники, и для него этот проект не что иное, как способ выбить новые инвестиции.

– Итак, у твоих ног будет ползать какой-то сосунок лишь потому, что твой папаша хочет лизнуть пару задниц? Малышка, мои родаки кажутся мне выжившими из ума, но твои... Они точно не шутят?

Сказать по правде, никакого сосунка и не будет, но расскажи я, как все обстоит на самом деле, ситуация стала бы еще непригляднее.

Мы подошли к дверям кабинета. Пора отложить наш разговор. Мне нужно объяснить Брайану, что, возможно, в моем доме появится наш сверстник, и я не знаю, как мой парень воспримет эту новость. Он всегда был ревнивым, а нынешняя ситуация действительно выглядит очень странной, так что впервые в жизни я могла бы понять его ревность.

Я хочу сказать ему, что тоже испытываю беспокойство. Я не знаю, кем будет этот парнишка и какой у него характер. В любом случае его предыдущая жизнь вряд ли была легкой. Да и быть семнадцатилетним подростком – скверная штука. По крайней мере, у меня так. Я

даже не могу себе представить, каково это – расти без какой-либо опоры в жизни. Хотя если под опорой понимать таких родителей, как мои, может, оно и к лучшему, когда у тебя совсем ее нет.

– Поговорим об этом за обедом, – я целую Брайана. Мне не хочется, чтобы он сейчас устраивал сцены ревности, однако решаю намекнуть ему о реальной ситуации, чтобы у него было время переварить услышанное к большой перемене.

– Да... Брайан, это будет не маленький ребенок. – Мой бойфренд тут же меняется в лице. Я открываю дверь в класс. – Он будет примерно нашего возраста.

– Какого хрена? Сколько ему лет? – Брайан едва не кричит в ярости, когда мы отправляемся на обед.

Я оглядываюсь по сторонам и вижу, что столовая полна людей.

– Прошу, не повышай голоса.

Как я и боялась, Брайан решил устроить сцену.

– Это полный идиотизм. Этот тип может оказаться кем угодно: умственно отсталым, маньяком... Я не оставлю тебя жить под одной крышей с ним.

– Слушай, «этот тип» – просто парень, который находится под присмотром государства, и если бы он был маньяком, то уже сидел бы в тюрьме. Умственно отсталый? Может быть, но тогда я должна помочь ему, и ты тоже внесешь свою лепту.

– Ну нет, Анаис. Забудь об этом! На этот раз не надо корчить из себя мать Терезу, – предупреждает меня Брайан.

– Чего ты от меня хочешь? Не могу же я уйти из дома!

Брайан отодвигает свой поднос.

– Дерьмо! – Он ругается. К еде даже не притрагивается.

– Ты перегибаешь палку, – резко отвечаю я, но Брайан даже не смотрит в мою сторону.

– Это не один из твоих бомжей, – огрызается он.

Брайан думает, что время от времени я делаю пожертвования для бездомных, но если бы он знал, что каждую неделю я хожу в Баррио Логан, неблагополучный район города, то тут же побежал бы рассказывать моему отцу о том, какая я безрассудная.

– Для меня вопрос закрыт, – категорично заявляю я и скрещиваю руки на груди.

Брайан фыркает, затем встает, взъерошивает свои светлые кудри и смахивает челку со лба. Он не на шутку разозлен и расстроен, но я просто не знаю, как его подбодрить.

– Поступай как знаешь, мне плевать.

Мы ловим на себе несколько взглядов. Даже первоклашки, которые обычно боятся в открытую смотреть на нас, сейчас не могут удержаться.

– Я не могу повлиять на эту ситуацию. Да мы еще и не знаем, кто это будет, и стоит ли об этом переживать.

На самом деле я понимаю, что паранойя моего бойфренда – а это именно паранойя – связана с тем, что мой будущий братишка, или кем он мне там будет, уже не маленький мальчик, от которого я смогу легко отделаться. В моей жизни скоро появится новый парень, и родители заставят меня быть с ним любезной и помогать ему освоиться в школе. А это значит, что по крайней мере в первые дни я должна прилипнуть к нему и не отходить ни на шаг. Я тяну Брайана за руку, и он, раздраженный, снова садится на стул.

– Правда, ты не должен на меня так злиться, – я приближаюсь к его лицу и целую в уголок рта.

Я хорошо знаю, что чуть-чуть ласки с моей стороны, и Брайан не сможет долго на меня дуться. Этим я и пользуюсь.

Я немного отодвигаю столик и сажусь Брайану на колени.

– Не беспокойся, хотя бы до тех пор, пока на это не будет причины, ок?

На его губах проскальзывает улыбка, и я понимаю, что дело сделано.

– Рано или поздно эти уловки тебе не помогут, Анаис...

Я улыбаюсь ему, а он похлопывает меня по ягодице и притягивает к себе для быстрого поцелуя.

– Тебе везет, что я тебя люблю, – произносит Брайан.

– М-м-м... – мурлычу я в ответ, – и я тебя люблю, Майлс.

3

Анаис

Я жива, пусть это, возможно, никого и не волнует.

Сегодня я должна остаться в школе на тренировку, а поскольку по вечерам уже становится холодно, я беру с собой куртку. Не хочу подхватить простуду и торчать из-за нее дома. Все время кажется, что там стены обступают меня все плотнее.

Я едва вышла из ванной, но тут же возвращаюсь обратно, чтобы проверить, все ли в порядке.

Я нервничаю. Сегодня – *тот самый день*. День, когда я познакомлюсь с парнем, которого хотят усыновить мои родители.

Пока завязываю волосы в высокий пучок, думаю о происходящем и прихожу к выводу, что более идиотской ситуации нельзя себе и представить. Я понимаю, что выгляжу лицемерно, однако даже таким образом невозможно потрясти устои отдельно взятой семьи. Особенно, когда эти самые устои уже всю ходят ходуном.

К черту! В кого я превращаюсь? Я опустила до того, что считаю парня, которому не повезло в жизни, неприятностью. Я не узнаю себя.

Хочу поговорить с Евой, но она сейчас занята экзаменами, и мы не созванивались с того самого дня, когда отец сообщил ей по скайпу эту новость. Мне показалось, что она тоже была растеряна, как и я, однако сестра сделала то, к чему привыкла за свою жизнь: улыбнулась и изобразила восторг.

Тот, кто придет теперь в наш дом, не испытает моих трудностей с пониманием себя. Он даже не столкнется с теми проблемами, которые моя семья так старательно скрывает, но это уже другая история, и ход событий зависит не только от меня.

Самым правильным будет принять этого парня и расположить его к себе. Однако сама мысль, что мои мать с отцом, неспособные любить своих родных детей, вдруг решили поиграть в заботливых родителей с чужим ребенком, вызывает у меня взрыв смеха.

Я делаю два глубоких вдоха.

«Анаис Керпер, прекрати!» – приказываю я своему отражению в зеркале.

Я не стала заморачиваться с макияжем, и это заметно. У меня огромные круги под глазами.

Когда ты одна из самых популярных девушек в школе, ты обязана серьезнее относиться к косметике и прочим штукам, но сегодня мне нужно быть самой собой. Так что никаких масок, в том числе макияжа, а также дорогущих платьев или мелирования – всего того, что «советует» мне мать, чтобы я произвела впечатление на моего обретенного плоть и кровь *незнакомца*.

Я проверяю отметины на руке. Они почти незаметны, так что нет нужды замазывать их тональным кремом. С трепетом я дотрагиваюсь до них, будто прошу остаться хотя бы еще ненадолго на коже. Это мои воспоминания о тех моментах, когда я падала и заново поднималась. Я не горжусь ими, но каждый раз, когда смотрю на них, понимаю, что значит быть тем, кто сумел выжить.

Я жива, пусть это, возможно, никого и не волнует.

Я жива, и этим я обязана только себе.

Я спускаюсь на первый этаж и вижу Линду, которая готовит завтрак. Оглядываюсь по сторонам. Дом пуст. Как обычно, мои родители даже не подумали, чтобы предупредить меня о своем отъезде.

– Доброе утро! – здороваюсь я с Линдой, стараясь выглядеть радостной.
– Привет, золотко! – Она оборачивается и награждает меня широкой улыбкой.
Заметив мой поникший вид, она тут же выключает плиту и упирает руки в бока.
– Так-так, где полагающиеся мне обнимашки? – говорит она мне.

Я улыбаюсь в ответ и бросаюсь в ее теплые объятия.

Линда для меня как мама. Она практически вырастила нас с Евой, и мы ее просто обожаем.

– Король с королевой умотали? – С Линдой я могу быть открытой, поэтому не скрываю своей досады на родителей. Я сажусь за стол и ловлю на себе ее сочувствующий взгляд.

– Да, малышка. Они уехали, как только я пришла. Грядут перемены? Они сказали мне привести в порядок дальнюю комнату.

Я киваю. Она ставит передо мной полную тарелку запеченного в яйце бекона и терпеливо ждет, пока я ковыряюсь вилкой в еде. Линда упрекает меня, что я слишком худа. Если бы моя мать услышала это, она посмотрела бы на нее как на сумасшедшую. Так что я отрезаю огромный кусок и запихиваю себе в рот.

– Ну, довольна? – произношу с набитым ртом.

На этот раз Линда смотрит на меня с укором и снова указывает на тарелку.

Наконец, когда она понимает, что я ничего не расскажу сама, присаживается рядом со мной и спрашивает прямым текстом:

– Итак... ты не объяснишь мне, что происходит?

Я только этого и ждала. Мне нужно с кем-нибудь об этом поговорить. В такие моменты отсутствие Евы убивает меня. К счастью, у меня есть Линда, так что я начинаю рассказывать ей обо всем и выкладываю все свои сомнения и страхи. Я делюсь обидой на парня, которого даже не знаю, а ведь его вина лишь в том, что он притянет к себе те крохи внимания, которыми мои родители могли бы одарить меня.

Такова я, безо всяких масок и уверток.

Да пошло оно все, я просто боюсь.

Линда дает мне закончить, затем вздыхает и обнимает меня, будто я снова стала той маленькой девочкой, которой когда-то была.

– Ты помнишь свою детскую мечту? – спрашивает она меня, когда выпускает из объятий.

Да, помню, но это уже неважно. Мой отец никогда не позволит мне стать детским психологом.

– Да, – отвечаю я ей, – но это было сто лет назад. Сейчас я выросла.

– Пусть твои планы изменились, но кем бы ты ни стала, твое настоящее «я» навсегда останется с тобой.

Всем сердцем я надеюсь, что ее слова сбудутся, но чувствую, что жизнь уже меня меняет.

– Анаис, это не навсегда. Дай себе время. В твоей жизни многое происходит, а в твоём возрасте и я чувствовала себя брошенной из-за различных событий, однако совсем скоро ты снова возьмешь все под контроль. Тебе не хватает Евы. Может быть, этот... *брат* поможет тебе. – Линда подмигивает мне, и впервые за столько дней мне не хочется закрыться в ванной и резать себя или вызывать рвоту. Пусть еда остается внутри меня, как боль, тревога, разочарование и ожидание.

– Они что-нибудь тебе сказали? – спрашиваю я, подразумевая родителей.

– Сказали, что вернутся к вечеру и дадут мне знать, когда подавать ужин, и больше ничего.

Я целую ее в щеку и стараюсь не поддаваться волнению из-за предстоящей встречи. Но мои руки дрожат, а на грудь будто навалился камень. Хватаю пару книжек, мобильник и ключи от машины.

Черт возьми, у меня есть еще время! Целый день, чтобы подготовиться. И я могу это сделать.

– Я поехала в школу. Увидимся вечером!

– Анаис, сумка! – кричит Линда мне вслед и сама несет ее мне. Сейчас я запросто могла бы забыть и голову. Линда сдерживается, чтобы не сделать мне замечание, однако ее обеспокоенный взгляд отчетливо говорит сам за себя.

– *Мама Линда*, не беспокойся: у меня есть время, чтобы хорошенько все обдумать!

При этих словах Линда улыбается. В детстве я называла ее *мамуллей*, и мне кажется, услышав это обращение, она вдруг увидела во мне призрак той счастливой девчонки, которой я была.

Когда я была маленькой, моих родителей тоже никогда не было рядом, зато у меня была Линда, Ева и мои игрушки. И этого мне было достаточно. Но теперь нет.

Прямо у порога меня внезапно настигает звонок сестры, которая будто через расстояние слышала мои мысли.

– Привет, Ева, – недовольно говорю я в трубку.

– Я не вовремя?

Ох, да-да-да, по тысяче причин.

Однако вместо этого я сообщаю лишь часть правды.

– Вообще-то мне пора в школу, – отвечаю ей.

– Мне только что звонил отец. Когда они рассказали мне об усыновлении, я подумала, что это всего лишь одна из их безумных идей, которая скоро рассеется как туман, но теперь я понимаю, что ошибалась. Папа сказал, что парень приезжает сегодня, но какого черта...

– Я думала, что ты оценила их решение.

– Да, потому что считала, что они быстро потеряют к ней интерес!

– Хм... Кажется, что нет.

Наступает молчание. Единственное, что я слышу в трубке, это приглушенные звуки ударов, которые повторяются раз за разом.

– Ева, что ты там делаешь? – спрашиваю я.

– Навожу порядок. Эта комната похожа на помойку.

О, наводит порядок... Другими словами, это означает, что Ева не на шутку разозлена.

– Ну, перестань, – я пытаюсь ее успокоить, – это ведь ты из нас двоих более спокойная, или я ошибаюсь?

– Порой я их просто ненавижу, – в ее голосе слышится усталость.

Я хотела бы сказать то же самое, но она и так об этом знает.

– Насколько для него ценна человеческая жизнь? – продолжает Ева. – А наши? Насколько они ценны для него?

– Ева, он делает это лишь из-за своей репутации. Ты же знаешь, что это – единственное, что его волнует.

– А мама? Боже! – Ева не успокаивается. – Разве она хоть раз возражала?

Я глубоко впиваюсь ногтями в предплечье.

– Да, она могла бы. Но разве это что-нибудь изменило бы? – спрашиваю я.

– Конечно, изменило бы! По крайней мере, она сделала бы вид, что интересуется нашей жизнью. Интересуется тобой! – решительно заявляет Ева.

– Мной? – В моем смехе сквозит обида. – За время твоего отсутствия, сестренка, ровным счетом ничего не изменилось.

Я – невидимка.

Мои ногти еще глубже вонзаются в кожу.

– Представляю... – тихо произносит Ева.

– Ладно, – перебиваю ее, чтобы она не принялась меня жалеть. – А сейчас мне действительно нужно идти...

– Да, хорошо. Прости, если я задержала тебя, и за то, что думала только об экзаменах. Если это имеет хоть какое-то значение, то знай: совсем скоро я приеду домой.

– Это очень много значит, – заверяю я. – Я тебя люблю.

– И я тебя, Ана. Ты ведь знаешь об этом, правда?

Слезы начинают застилать мне глаза, и боль от впившихся в кожу ногтей кажется лаской.

– Я знаю об этом, – успокаиваю я Еву и тем самым успокаиваю немного и саму себя.

4

Дезмонд

Я стал злейшим врагом самому себе.

На часах девять утра. Я смотрю на пожелтевшие стены комнаты. Мне знакома на них каждая трещина. Когда-то они выглядели совсем иначе. Когда я впервые вошел сюда, комната показалась мне безупречно чистой – она разительно отличалась от моего дома с его грязным ковром и вонючим диваном, от которого несло мочой и сигаретами. В тот момент, глядя на свои коротенькие штанишки и изношенные ботинки, я чувствовал себя предметом мебели, не вписывающимся в интерьер. Однако стоило мне увидеть ослепительные улыбки девушек, которые пришли в сопровождении такой же приветливой докторши, чтобы проводить меня в больницу, как впервые в жизни я вздохнул с облегчением.

Все будет хорошо, Дезмонд.

И я поверил этому: кошмар закончился и, быть может, кто-то наконец-то по-настоящему позаботится обо мне. Они сказали, что так и будет, и я до сих пор жду, когда они сдержат свое чертово обещание.

Не бойся. Доверься нам. Мальши, кто-то обязательно полюбит тебя. И у тебя появится новая семья.

Проклятие!

Я наблюдал, как эти стены блекнут все больше, как и моя надежда, что найдется тот, кто будет любить меня, как собственного сына.

Я окидываю себя взглядом. На мне снова рваные джинсы, но теперь они модные и мне впору. Мои спортивные кроссовки уже потрепаны, но еще вполне сносные. Я одет в простую черную майку с V-образным вырезом и короткими рукавами, а мое тело сильно отличается от тела семилетнего ребенка.

Прошло уже десять лет с того дня, когда я впервые вошел в эту комнату. Она дала мне надежду, но я так и не стал таким светлым, какой тогда была она.

Я темный. Грязный. Испорченный.

Я столько раз входил сюда, надеясь, что обрету семью, и каждый раз буквально через пару месяцев меня возвращали обратно.

С каждым возвращением росла моя ярость, и я начал ненавидеть семьи, которые ради ничтожного пособия корчили из себя поначалу любящих родителей, а затем обнажали свое настоящее лицо.

Они сломали меня, и поэтому никто не хотел меня усыновлять. Теперь я мечтаю лишь свалить отсюда. Дело за малым, и я не дам остановить себя этой женщине, которая сидит напротив.

С яростью я гляжу на доктора Линн. У нее длинные светлые кудри, которые она никогда не стрижет, ясные глаза, очки с черной толстой оправой и по-матерински нежное лицо, которому когда-то я понапрасну доверился.

Что еще ей от меня нужно?

Один год, еще один проклятый год, и я вырвусь отсюда. У меня больше нет желания выслушивать ее бредни.

– Как дела, Дезмонд?

– В норме, – бросаю я в ответ и ниже сползаю на стуле. Я закидываю ногу на ногу и скрещиваю руки на груди.

Мне хочется закурить, и по привычке я запускаю руку в карман, где обычно держу пачку сигарет.

– Почему ты такой грубый? Что не так?..

С моей жизнью все не так.

– Давайте к сути, докторша! Зачем я здесь? – отрезаю я.

Доктор Линн опускает взгляд на листки, которые лежат на ее письменном столе. Она выглядит расстроенной из-за моего поведения, но мне никогда не удавалось одолеть эту женщину. И никому не удавалось заставить ее опустить руки. Она не сдастся и сейчас. Ей нужно лишь сделать еще один проклятый шаг... но она его пока не сделала.

– У меня для тебя отличная новость, Дезмонд, – внезапно говорит она.

От ее слов мне ни жарко ни холодно, так что я спокойно остаюсь на своем месте. Тереблю сережку в виде крестика в моем ухе.

– Помнишь, я говорила тебе, что ты был включен в программу усыновления?

– Да, и еще я помню, как ясно дал понять: мне это неинтересно...

Доктор тяжело вздыхает. Подравнивает бумаги.

– Да, я что-то такое припоминаю.

Что-то такое... Как бы не так! Что за чертов розыгрыш?!

– Я все равно включила тебя в программу и нашла тебе семью.

Вот стерва!

– Я надеюсь, вы шутите! – Я вскакиваю со стула, который падает на пол, и резко опираюсь на ее стол сжатыми кулаками. – Через год я свалю отсюда, мне не нужна семья.

– Дез...

– Хрен вам, а не Дез! Я заходил и выходил отсюда десять чертовых лет, и никто не захотел меня забрать. Теперь мне не нужны родители. Забудьте об этом! – в ярости кричу я.

– Ты сможешь решить, нужны ли они тебе, когда тебе исполнится восемнадцать...

– Что?

– Сможешь решить, хочешь ли ты, чтобы тебя усыновили, – объясняет она. – Выбор будет за тобой.

Я чуть не задыхаюсь от клокочущего в горле смеха.

– Еще одна проклятая приемная семья!

Мне хочется схватить что-то и разбить вдребезги.

Это будет уже тринадцатый.

Проклятие, я считал их всех!

– Я. Туда. Не пойду, – смотрю в упор на доктора Линн и со злостью выплевываю каждое слово.

Она поднимается со своего кресла и направляется ко мне со своими бумагами. Я подаюсь назад. Мне не нужно ее сочувствие. Не нужно!

Когда-то она мне нравилась. Я с нетерпением ждал каждую нашу встречу. Каждый раз старался приодеться и выглядеть опрятно, а еще мечтал, как она придет и скажет, что хочет стать моей матерью. Потом я начал ее ненавидеть, потому что она оставила меня гнить в тех местах, о которых бог даже не слыхивал.

– Возможно, это твой шанс, Дезмонд. Попробуй это понять. Это хорошая семья. У тебя будет возможность учиться и построить свое будущее.

Признаю, я часто думал о том, что меня ждет за пределами приюта. У меня нет работы, а это значит, мне срочно нужно будет найти хотя какую-то, так что я не смогу продолжить учебу. Единственное, что я умею, – играть в американский футбол.

Я обожаю его!

Он оставался моим спасением, пока я летел в бездну, и я бы хотел заниматься им профессионально, но думаю, что закончу жизнь официантом в забегаловке, а потому уже распрощался с мечтами о славе.

– Ты не можешь отказаться. Просто прими все как данность, – голос доктора звучал уже категорично. – Один год. Потом можешь делать что хочешь, и государство больше не будет тебя контролировать. Так что собирай свои вещи, скоро за тобой приедут.

Скоро... Проклятие, их даже не интересовало, как я отреагирую!

Я смотрю на доктора Линн, которая опустила глаза на свои бумажки, и вижу ее невозмутимое лицо.

Тема закрыта.

Для нее, возможно, но не для меня.

Когда меня отводят обратно в приютское общежитие, я не на шутку взбешен. Ничего нового, но сегодня я по-настоящему в ярости.

Я вхожу в свою комнату, которую делю с Брейденом, и вижу, что тот валяется на кровати. Я пытаюсь не встретиться с ним взглядом и иду в ванную. Мне нужно хоть немного побыть одному, но мой растерянный вид тут же привлекает его внимание. Брейден пристально смотрит мне вслед, а затем откладывает в сторону комикс, который читал, и направляется за мной. Не успеваю я захлопнуть за собой дверь, как он уже стоит на пороге.

– Эй, чувак! Что стряслось? – спрашивает Брейден.

– Ничего. Не хочу об этом говорить.

– И ты правда считаешь, что я не суну нос в твои дела?..

Я фыркаю. Нет. Конечно нет.

Брейден – мой брат. В наших венах течет разная кровь, но мы вместе с самого детства. Пусть каждый из нас столько раз отправлялся в разные семьи, в конечном итоге мы снова встречались в исходной точке. Лузеры, застрявшие в трясине, но зато всегда вместе. Мы увидели, чего стоит этот мир, и держались друг друга, чтобы не уйти на дно обоим.

– Опять какой-то кретин хочет стать приемным родителем, – цежу я сквозь зубы, чуть отодвигаясь. – Что еще?

Он смущен.

Мы ведь уже все спланировали. Так или иначе мы встали бы на ноги, но теперь все катится к чертовой матери.

– Мне нужно покурить, – я подхожу к кровати и вытаскиваю из-под матраса припрятанную пачку с зажигалкой.

Затем я возвращаюсь в ванную, открываю окно, чтобы в помещении не пахло дымом, и закуриваю, жадно затягиваясь.

– Если тебя застукают, будет хреново, – напоминает Брейден.

– Мне по фигу... у меня лишь два часа на сборы, – в моем голосе смешиваются ярость и смирение.

У Брейдена выступают слезы, но он старательно делает вид, что все в порядке.

– Через год ты будешь свободен, и мы свалим отсюда вместе.

– Я смогу решать, хочу ли быть усыновленным. На этот раз выбирать буду я, вот это удача, не так ли? – насмешливо ухмыляюсь я и делаю еще одну затяжку.

Брейден молчит. Сдерживается, чтобы не подлить масла в огонь, но, по правде говоря, брат просто не знает, что сказать. Наши планы сейчас испаряются на глазах, как кипящая вода в кастрюле, которую забыли снять с огня.

Я ухожу, а он остается здесь. Еще какое-то время гнить без меня.

– А вдруг это хорошие люди и все будет здорово? – произносит Брейден, как только я заканчиваю курить.

– Да ни хрена!

Я кладу руки ему на плечи и пристально смотрю в его зеленые глаза. Уже давно я не видел его таким взволнованным. С того раза, когда один мерзкий жирдяй должен был стать нам отцом. Я трясую головой, чтобы отогнать воспоминания, которые вижу каждую ночь в кошмарах.

– Брейден, когда у меня день рождения? – спрашиваю я брата.

Он моргает несколько раз, чтобы смахнуть выступившие слезы. С того дня мы больше не плакали, и это было нашим обещанием друг другу. Клятва, которую мы держали.

– Четырнадцатого сентября, – бормочет Брейден, сдерживая желание разреветься.

– А у тебя? – снова спрашиваю я.

– Двадцатого марта, Дез... – он вытирает нос и распрямляет плечи.

– Отлично! – Брейден младше меня, хотя порой из нас двоих он кажется старшим. Но только не сегодня. Сегодня я – старший брат. – Будь готов к своему дню рождения. Тебе еще не исполнится и восемнадцати, как я приду за тобой.

5 Дезмонд

Не бывает вторых шансов для тех, кто их не хочет.

От кожаных сидений и безупречно чистого салона этого автомобиля исходит тошнотворный запах.

Это черный «Континенталь Концепт». Лимузин класса люкс. Должен признать, крутая машина, но у меня странные отношения с богатством, особенно если им кичатся, как в этом случае.

Я гляжу сквозь окно. Целый час здесь, внутри, и я чувствую, что начинаю задыхаться, однако наконец-то мы приехали в Сан-Диего. Город с бешеным ритмом, который хорошо отражает мое нынешнее состояние.

Я обещаю себе не привязываться к мужчине и женщине, которые забрали меня.

О чем, черт возьми, они думали, когда ввязывались в этот проект?

Эти Керперы – богачи. Если бы это не дошло до меня после поездки на четырехколесном сокровище, то эту мысль донесли бы фирменные шмотки и дорожные украшения. На запястье у мужчины сверкают «Ролексы», а серьги у его супруги явно из настоящих изумрудов. Возможно, они думают, что могут купить все, в том числе меня. Быть может, они захотели забрать меня просто потому, что для таких людей, как они, доброе дело – это всего лишь каприз.

Ладно, кого это волнует! Если хотят играть в такие игры, пусть готовятся. Захотеть усыновить взрослого парня – бессмысленная затея. Если бы они хотели детей, они взяли бы новорожденного, а если говорить напрямую – а я всегда делаю так – они не выглядели особенно счастливыми при нашем знакомстве. Так что мое беспокойство только усилилось.

Миссис Керпер с заметной осторожностью смотрела на меня, как на зверька, мистер Керпер бросил мне лишь пару фраз. Он даже не смотрит на меня. Лишь один раз он взглянул на меня, и было видно, что ему это неприятно.

Я не закатил скандал лишь потому, что доктор Линн потом устроила бы мне еще ту головомойку.

Один год. Один проклятый год, и я буду свободен.

Гнетущая, тяжелая тишина. Тишина, которая прерывается лишь слабым гудением кондиционера.

В салоне автомобиля городской шум кажется приглушенным. Я позволяю себе отвлечься от мыслей, хотя сейчас я не отказался бы и от косячка, с которым все вокруг стало бы по-настоящему простым. Но мужчина начинает говорить, и я снова погружаюсь в хаос.

– Я проинформировал руководителя школы, которую посещает моя дочь, о твоём приезде. Сможешь приступить к занятиям уже завтра, если хочешь.

Какого черта?!

– Дочь? – Я не понимаю, что происходит.

– Мы еще не говорили тебе об этом. У нас с Сарой две дочери: старшая, Ева, учится в Университете Сан-Франциско, чтобы стать врачом, как и я... Вторая, Анаис, твоя ровесница.

Две дочери. У них две чертовых дочери, и они все равно решили взять к себе меня.

Я тут же пытаюсь избавиться от смущения. Мне плевать. Мне нужна лишь еда и комната, где я смогу запереться, чтобы они не выносили мне мозг.

– В этой школе есть футбольная команда? – единственное, что я спрашиваю.

– Да, и это особенно важно. Вступив в нее, ты мог бы получить стипендию для учебы в колледже, Дезмонд.

Этот дрянной денек решительно становится лучше.

Один год.

Хватит, чтобы изменить свою судьбу?

Возможно, а потом я смогу позаботиться о Брейдене.

У меня уже есть некоторые сбережения, которые я раздобыл всякими незаконными делишками. Так что было бы здорово, если бы и в Сан-Диего я смог найти способ, как срубить легкие деньги.

Насколько это может быть сложно в большом городе?

Еще минуту назад у меня не было никаких идей, а теперь у меня вот-вот созреет неплохой план.

В салоне автомобиля снова воцаряется молчание, но теперь благодаря этим мыслям оно не кажется мне таким угнетающим.

Чуть позже мы подъезжаем к двухэтажной вилле с огромным садом вокруг. Все выглядит ухоженным, чистым, приведено в полный порядок. Ничего общего с домами тех семей, куда меня отправляли все эти годы. Те семьи брали нас к себе лишь из-за пособия, которое выплачивало им государство, а потом эти «родители» уставали от кучи усыновленных сопляков и постоянно дубасили нас.

Те домишки были такими же жалкими, как и их обитатели. На мгновение я снова вспоминаю крошечную темную комнатку, где нас запирали в наказание. Вспоминаю палку, которой нас лупили. Порой нас били плеткой, а иногда *просто* ремнем с металлической пряжкой. Я вижу себя, забившимся в угол под градом ударов или ревушим навзрыд, пока бьют других детей и снова ждущим своей очереди. В моей памяти снова всплывает тот проклятый гараж, провонявший выхлопными газами и бензином.

– Идем? – окликает меня Мэтт.

В пафосной попытке сломать лед он попросил называть его именно так. Ладно, это будет непросто, но он и сам уже скоро поймет это. Ни к чему ему это объяснять. Достаточно показать свое безразличие к происходящему. Не хочу, чтобы так или иначе они думали, что смогут меня купить.

Я беру свой рюкзак и выхожу из машины. Мы идем по мощеной дорожке. Я уставился на свои ботинки и не смотрю по сторонам – больше меня ничего не волнует. В этом доме, как мне думается, запросто могут оказаться чертовы позолоченные фонтаны. Но я все равно пробуду здесь недолго.

Мы заходим в огромный зал. Высоченная лестница, которая ведет наверх, кажется, сделана из мрамора. Два хрустальных светильника освещают натертые до блеска полы, и я невольно бросаю взгляд на стены, на которых висят картины.

Добро пожаловать в идеальную семью, Дез!

Однако опыт подсказывает мне, что за идеальной картинкой нередко клубятся темные тени.

Кто знает, кем на самом деле окажутся эти Керперы?

– Входи, – Сара жестом приглашает меня за собой. – Я покажу тебе твою комнату, там ты сможешь немножко привести себя в порядок.

– Не нужно, – прерываю ее я. – Скажите мне, куда я должен идти, и я найду ее сам.

На мгновение она запинается, быть может, думает, что я собираюсь втихаря что-то у нее украсть, и на моих губах появляется усмешка.

Ублюдок всегда остается ублюдком, с какой бы добротой на него ни смотрели.

Пока я собираюсь сказать ей, что, если есть какие-то проблемы, она может отправить меня обратно, Мэтт прерывает эту нелепую сцену.

– Поднимешься по лестнице, и направо. Твоя комната – последняя по коридору, – коротко объяснил он мне.

Я закидываю рюкзак за спину и взлетаю по лестнице. Поворачиваю направо и первое, что вижу, – девушку, которая стремительно проскользнула в одну из комнат.

Должно быть, это их младшая дочка. Как, черт возьми, он сказал, ее зовут?

Не помню, но теперь я знаю, что она – блондинка.

Я пересекаю коридор в поисках своей комнаты, но делаю лишь пару шагов, как неожиданно во всю мощь раздается музыка. Я останавливаюсь перед комнатой, где, вероятно, живет их дочь, и слушаю.

Это Snow Patrol, песня Run.

Класс! По крайней мере, у девчонки отличный музыкальный вкус.

Очко в твою копилку, сестричка!

6 Анаис

Мы всегда надеемся, что кто-то смотрит на нас как на самых прекрасных созданий в мире.

Я спешу в комнату. Надеюсь, родители не заметят, что я вернулась домой так поздно. Тренировка потребовала больше времени, чем обычно, и перед ужином я отправляюсь под душ, чтобы смыть с себя запах пота и усталость. Как только я выхожу из кабинки, тут же сползаю на пол ванной комнаты. Ушиб под ягодицей снова болит, и я вынуждена наклеить новый пластырь.

Я устала постоянно извиняться перед Брайаном, и даже если бы рассказала ему о своих проблемах, он вряд ли бы меня понял. Он так заиклен на том, чтобы сделать меня своей копией, что даже не стал бы слушать.

Я – его девушка и должна целовать землю, по которой шествует великий Брайан Майлс. Я обязана красиво одеваться, улыбаться, быть милашкой с теми, кто заслуживает нашей дружбы, и презирать остальных, для которых мы выглядим как боги. Я не могу позволить себе ни единой слабости.

Ищу заживляющую мазь в шкафчике. Она точно должна быть здесь, однако я не нахожу ее, и спешка явно не помогает.

– К черту! – в конце концов сдаюсь. Все равно завтра будет синяк. Я надеялась, что мне хватит времени, чтобы успокоиться перед Великим Приездом, но вместо этого я по-прежнему натянута как струна.

Я надеваю черные шорты и розовую футболку с длинными рукавами.

У меня уже нет времени делать прическу, поэтому наспех собираю волосы в подобие косички. Наношу немного блеска на губы, однако, как и утром, больше никакого макияжа. Блеск для губ – необходимость, потому что без него я до крови кусаю губы, когда нервничаю.

Я выхожу из ванной и замираю, глядя в конец коридора.

Он... он уже в своей комнате?

Я знаю, где они решили его поселить: мне рассказала Линда. Нас разделяют лишь две двери.

Я делаю два глубоких вдоха и бегу к лестнице. Из столовой доносится отцовский голос, и я иду туда с бешено колотящимся сердцем.

Отец восседает во главе стола, рядом с ним – мать.

А напротив них спиной ко мне сидит *он*.

На нем черная майка, которая обтягивает его широкие плечи.

– Наконец-то, Анаис! – замечает меня отец.

– Прости, папа, я поздно вернулась.

Парень оборачивается, и от его взгляда у меня перехватывает дыхание. О. Мой. Бог.

– Познакомься, это Дезмонд. Дезмонд, это наша дочь Анаис, – говорит отец.

Дезмонд.

Я молчу, пока отец знакомит нас. Делаю два шага вперед, но мои ноги будто окаменели. Рана еще сильно болит, и я пытаюсь дышать так, чтобы немножко успокоиться. Обычно это помогает, но Дезмонд не сводит с меня глаз, и мне трудно сосредоточиться. Мои легкие еле-еле втягивают воздух.

Дыши, Анаис!

Дезмонд.

Я утопаю в его темных глазах, которые будто пронизывают меня насквозь, и вдруг чувствую страх от того, что, если продолжу смотреть в них, они по-настоящему смогут заглянуть внутрь меня. Я хочу скрыть все то, что они могли бы там увидеть и что я ненавижу, но я по-прежнему не могу отвести взгляд.

Мое внимание привлекает серьга, которая сверкает в его левом ухе. Кольцо с крестиком. В голову лезут разные мысли, и я пытаюсь заставить их заткнуться.

Опускаю голову и начинаю разглядывать ничем не примечательный пол столовой. Считаю секунды.

Одна, две, три... Прошу тебя, папа, скажи что-нибудь. Что угодно.

– Анаис... – первое, что произносит Дезмонд.

Его пылкий голос разжигает мои безумные мысли.

– Красивое имя... – на его губах появляется кривая усмешка, которая кричит болью, но неожиданно мне перестает хотеться убежать.

Ужин превращается в полную неловкости долгую пытку. Я ерзаю на стуле, чтобы боль от раны отвлекала меня, но взгляд Дезмонда не дает мне спрятаться в ощущениях.

Молчание падает на нас, как театральный занавес, когда спектакль заканчивается и вот-вот грянут аплодисменты. Одно лишь но: здесь и сейчас нет никого, кто собирался бы хлопать, и все ситуация выглядит абсурдной, особенно если учесть, что ее создали мои родители.

Дезмонд сидит напротив. Он пристально смотрит на меня, затем его взгляд скользит по моим рукам. Минуту-другую назад мне было жарко, и я нечаянно закатала рукава по локоть, и теперь спешу снова раскатать их, чтобы прикрыть кожу.

Вот проклятие!

Он внимательно смотрит мне в лицо и хмурит лоб.

Еще никто никогда не догадывался об этом. Не может быть, чтобы он все понял.

Я пытаюсь выдержать его взгляд и не понимаю, почему он смотрит с таким раздражением.

– Анаис поможет тебе адаптироваться в школе. Тебе не о чем беспокоиться.

Отец рассказывает Дезмонду об учебе и его новой жизни, и тот наконец отвлекается от меня. Но судя по тому, как Дезмонд сжимает нож с вилок, отцовские слова – вовсе не то, что ему хочется слышать.

– А я и не беспокоился, – категорично заявляет Дезмонд. – Я сам могу о себе позаботиться.

Отец не обращает никакого внимания на его слова. Он уже начинает планировать чужую жизнь, и горькая усмешка появляется на моем лице. Когда мы снова встречаемся взглядами, я вижу в глазах Дезмонда презрение и ясно понимаю свою ошибку. Он думает, что я насмехаюсь над ним. Я тут же пытаюсь изменить выражение лица.

– Дезмонд, это очень престижная школа. У тебя будут лучшие преподаватели, ты будешь учиться вместе с ребятами из состоятельных семей, так что тебе не нужно постоянно ждать удара в спину. Ты сможешь сосредоточиться на учебе.

Полные губы Дезмонда складываются в суровую линию.

– Мистер... Мэтт, при всем уважении, – немного повысил голос Дезмонд. Видно, он боится, что отец снова его перебьет. – Да, я пропустил несколько тем в школе, но не потому, что все время ждал удара в спину. Просто тогда мне было не до учебы. А так для меня не проблема делать и то, и другое. Я могу и учиться, и готовиться к удару. Это легкотня, так что не нужно меня подбадривать.

– Хорошо, – отец кивает и отрезает кусочек от своей порции филе. – Однако мне было бы еще спокойнее, если бы ты проявлял больше выдержки, Дезмонд. Это не одна из тех школ, к которым ты привык. Наша фамилия имеет здесь вес. Надеюсь, ты это понимаешь.

Понятно. Отец намекает, чтобы Дез не делал глупостей, не пускал в ход кулаки и был послушным.

Он думает, что сироте не хватит воспитания, и боится, что поведение Дезмонда отразится на имидже Керперов.

Я гляжу на Дезмонда, который с саркастической улыбкой успокаивает отца.

Ох, мой великий отец. Ты на самом деле полагаешь, что все будет легко?

После ужина я помогаю Линде. Если бы мать увидела меня за этим занятием, то разразилась бы потоком упреков, но сейчас она слишком занята попытками разобраться, каков на самом деле новый член нашей семьи, и ей точно не до меня.

Дезмонд выглядит встревоженным. Сидит в гостиной и ждет десерта, но ему явно хотелось бы подняться наверх в свою комнату. Он попросил у отца разрешения уйти, но тот ему не позволил. Я ясно поняла, что парню это не понравилось, хотя он никак не выразил недовольства. Он будто борется с собой, чтобы не показать себя настоящего.

На его лице я вижу бурю негодования. Из всех сил он пытается преодолеть предрассудки, которые, как он полагает, есть на его счет у моих родителей. И он прав: мои родители действительно предубеждены. Именно поэтому я так пока и не поняла истинную причину, почему они решили забрать его к нам.

Я уже успела многое обмозговать по этому поводу. Возможное финансирование педиатрического отделения выглядит не очень убедительно. Я слишком хорошо знаю своих родителей, поэтому уверена: ни за что и никогда они не потревожили бы свой уютный мирок, пустив в дом проблемного паренька, если бы у них на то не было действительно серьезной причины.

– А он симпатичный, – Линда кладет конец моим размышлениям.

В ответ я пожимаю плечами и тут же получаю от нее тычок локтем.

– Он – симпатяга, девочка, и я видела, как ты на него смотрела.

– Это всего лишь любопытство.

– Может быть, – дразнится она и передает мне тарелку, чтобы я ее вытерла.

– Именно любопытство, мама Линда. Твои телесериалы до добра не доведут.

– Ах, советуешь подсесть на какой-нибудь из сериалов про секси-вампиров, которые смотришь ты? – парирует Линда.

– Ага, на худой конец. Это бы шире раскрыло тебе глаза.

– Так широко, как распаиваешь их сейчас ты? – Она хохочет и заражает меня своим смехом.

Бесполезно лгать: Дезмонд действительно красавчик.

Люблю такие моменты. С Линдой легко быть в хорошем настроении. Если бы не она, здесь, в этом доме, можно было бы наткнуться лишь на вытянутые молчаливые физиономии.

– А теперь ореховый торт. Твой любимый, – Линда режет его и раскладывает по тарелкам.

– Я съем его немножко позже, – говорю я шепотом.

– Ты можешь съесть его вместе со всеми, – Линда тут же становится серьезной.

– Нет, мне пока не хочется. Я уже наелась.

– Анаис, да ты ведь почти ничего не съела! Твоя тарелка осталась полной.

Я закончила вытирать посуду и теперь расставляю ее по местам. Но Линда забирает тарелки у меня из рук и ставит около мойки.

– Ты еще похудела, – на этот раз ее голос звучит строго, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не наругать. За это я себя сильно корила бы потом.

– У меня просто стресс из-за тренировок, но я хорошо себя чувствую, – изображаю улыбку, но Линда непреклонна.

– Анаис Керпер, ты серьезно считаешь, что я куплюсь на твои отговорки?

– Что здесь происходит? – Мать входит в кухню и бросает на нас строгий взгляд.

– Ничего, мама, – быстро отвечаю я. – Мы готовы подавать десерт.

– Линда справится сама. Ты уже достаточно помогла. Боже, Анаис! Что у тебя в голове? Это еще что такое? Быстро снимай этот фартук, и мигом в гостиную!

Разумеется, я повинуюсь. Мама повернулась ко мне спиной и не видит меня, поэтому я закатываю глаза – она на дух не переносит, когда я так делаю.

Я иду за ней в гостиную и сажусь рядом на один из двух огромных белоснежных кожаных диванов.

Дезмонд, более расслабленный, снова сидит напротив.

Кто же на самом деле этот красавец?

Не знаю, но его поза кажется такой открытой, что мне хочется узнать больше.

Линда приносит десерт. Я отказываюсь, и мать одобрительно кивает.

– Правильно, Анаис. Так будет проще найти тебе подходящий наряд для бала, – произносит она. – Мы справимся, дорогая.

Мы справимся, дорогая. Можно подумать, это какой-то подвиг.

– Еще ведь рано, бал будет только в конце года... – пытаюсь я возразить.

– Ты права, но за это время ты сможешь скинуть еще несколько килограммов и будешь выглядеть просто изумительно.

Боже мой! Зачем она это все говорит?

Я ловлю взгляд Дезмонда. Он смотрит с удивлением. Я чувствую себя униженной, опускаю глаза и ухожу в себя. Ухожу в себя, пока их разговоры не становятся далеким гулом.

Я задерживаю дыхание, и легкие начинают гореть. Сердце стучит все быстрее и, кажется, вот-вот вырвется наружу. Я касаюсь своих порезов. Даже самые свежие уже не причиняют сильной боли, достаточной, чтобы я могла отвлечься на нее, поэтому мне непреодолимо хочется нанести себе новые.

– Если можно, я хотела бы прогуляться в саду, а потом отправиться в свою комнату, – прошу я, когда находиться в гостиной становится уже невозможно.

– Все хорошо? – спрашивает отец, и я не верю своим ушам. Это звучит почти как чудо.

– Да, папа. Хочу немного подышать воздухом, а потом лечь спать. У меня был тяжелый день.

– Я надеялся, что мы сможем немного поговорить о твоём заявлении на поступление в колледж, – произносит он.

Черт возьми! Я боялась этого. Боже, как же я этого боялась!

Я начинаю нервно водить ногтями по своим рукам, пока не впиваюсь в левое плечо. На миг я расслабляю пальцы, а потом снова начинаю все глубже вонзать ногти в кожу. Там есть свежий порез, маленький, но еще не заживший, и я принимаюсь понемногу его расковыривать.

Мое тело – это карта боли.

– Простите, если вмешиваюсь, – раздается голос Дезмонда, – но у меня тоже был тяжелый день, и мне хотелось бы немного познакомиться с Анаис, прежде чем идти спать. Надеюсь, для вас это не проблема...

Что? Он помогает мне выйти из неприятной ситуации?

– Хорошо, – неожиданно соглашается отец. – Мы вернемся к этому разговору в другой раз.

Когда мы выходим с Дезмондом в сад, я не знаю, о чем говорить. Даже когда мы отдаляемся от дома, и он вытаскивает из кармана сигаретную пачку. Он закуривает, а я все молчу.

– Куришь? – спрашивает он меня и делает первую затяжку.

– Нет, спасибо, – отвечаю я.

Он улыбается и выпускает клубы дыма.

– Разумеется...

– Ты ведь знаешь, что это очень вредно?

– У меня есть привычки и похуже, – сухо отвечает он.

В молчании мы идем бок о бок, пока он не докуривает сигарету.

– Спасибо, но тебе не нужно было это делать, – прерываю я затянувшуюся паузу. Стараюсь не смотреть ему в глаза.

– Это все?..

– *Это все?* – вторю ему эхом, – Что еще я должна сказать?

– Ну, допустим, правду.

Он выбрасывает окурок за изгородь и внимательно смотрит на меня, так что я не могу отвести взгляд в сторону.

– Почему ты не ела торт, хотя было ясно, что тебе хочется? Почему ты не сказала своему отцу, что еще не отправляла никакого заявления в колледж? И откуда у тебя это? – Он хватается за руку и закатывает рукав.

Мои порезы.

Их уже почти не видно, Анаис. Соври.

Я вырываюсь, затем замираю и долго гляжу на пруд, который вырыт неподалеку от нашего дома.

– Ты не считаешь, что нам еще рановато знать друг друга так хорошо? – Я не гляжу на Дезмонда, но чувствую его взгляд, и по моему телу проходит дрожь.

– Тебе холодно? – спрашивает он.

– Немного, – коротко отвечаю я.

– Хочешь вернуться?

Мне стоило бы встревожиться, что Дезмонду хватило пары взглядов, чтобы понять мое бедственное положение, но я не хочу терять странную связь, которая возникла сегодня между нами.

– Нет, все хорошо.

– Тогда что? Так и будем молчать? – Он настаивает, но я все равно ничего ему не скажу. По крайней мере, не то, что он хотел бы услышать.

– А почему бы не начать тебе, Дезмонд? Расскажи мне о себе, – я застаю его врасплох, и он улыбается.

Как же красива его улыбка, почти так же, как и его мрачное лицо.

– Меня зовут Дез.

И замолкает.

– Это все? – передразниваю его.

Дезмонд улавливает насмешку и улыбается еще шире, глядя на меня с легким прищуром.

– Это все, Анаис Керпер.

– А к тебе не так просто подступиться, да?

– Большинству – да.

Я слышу в его голосе злость и тут же упрекаю себя, что задала этот вопрос, и пытаюсь немного сгладить углы.

– Ладно, зачастую простота переоценена.

– А тебе не хотелось бы жить более простой жизнью, Анаис?

Что?

Все считают, что моя жизнь такая и есть. Только Дезмонд подвергает сомнению то, что люди считают самым собой разумеющимся, и в этот миг я чувствую, как с меня спадают все те глупые маски, которые я носила годами.

Дезмонд шевелит носком кроссовки торчашую из газона травинку. Когда он смотрит на меня, я будто оказываюсь в самом центре водоворота.

– Мне нравится моя жизнь, – без тени сомнений лгу я.

Дезмонд молча смотрит на меня, затем склоняет голову и криво усмехается.

– Ты в этом уверена?

Под напором его взгляда я рассыпаюсь на тысячи кусочков и больше не могу лгать.

– Почему-то я так и думал. Зачем ты скрываешься? И кто ты на самом деле, Анаис Керпер?

Как я и предполагала, этот парень способен за личиной совершенства разглядеть меня настоящую.

– Я хотел бы это узнать, – шепотом произносит Дезмонд.

– Поверь, тебе не понравится.

– Несомненно, понравилось бы. Уж поверь, – он подмигивает мне и направляется к дому. – Пойдем внутрь. Теперь уже на самом деле холодно.

7

Дезмонд

**Со временем ты учишься закрываться
настолько, что лишь немногие хотят тебя понять.**

Я проснулся с чувством тревоги. Спускаюсь на кухню и вижу, что там только Линда, здешняя служанка, и Мэтт, который упорно избегает моего взгляда.

Анаис уже ушла, отчего мне становится еще более не по себе. После нашего странного разговора у меня возникло ощущение, что я встретил такую же искромсанную душу, как моя собственная. Порезы на ее теле означают, что ее душа изранена еще больше, и Анаис страдает и пытается найти исцеление в одиночестве.

Все эти шрамы на руках – крик о помощи. Я задался вопросом – лишь на мгновение, – как ей помочь.

– Доброе утро, Дезмонд. Тебе хорошо спалось? – Мэтт приглашает меня к столу, и Линда мило улыбается, пока наливает мне сок и ставит огромную тарелку яичницы с беконом.

Я мямлю «да» и надеюсь, что наш разговор на этом закончится, но у моего нового папаши другие планы.

– Я обещал, что ты можешь рассчитывать на Анаис, когда отправишься в школу, но сегодня ей нужно было уйти пораньше из-за тренировок по чирлидингу.

Я даже не сомневался, что такая красотка, как она, – чирлидерша.

– Она – капитан команды, – с холодной улыбкой добавляет Мэтт.

Не похоже, что он испытывает гордость за нее. Сказать по правде, кажется, что Мэтт говорит об этом лишь чтобы потешить собственное самолюбие, но я лишь киваю в ответ и засовываю в рот кусок тоста.

Ловлю сочувствующий взгляд Линды.

Она пытается наладить со мной контакт, как и вчера, когда я только приехал, и я не знаю, что из этого выйдет.

Я спешу поскорее проглотить завтрак прежде, чем Мэтт удосужится спросить меня, как мои дела. Мне не хочется ни давать ему возможность узнать меня получше, ни доверяться ему, и, к счастью, поездка на машине до школы проходит в молчании.

Когда я беру рюкзак и собираюсь выйти из автомобиля, Мэтт меня останавливает.

– Утром Саре нездоровилось, так что она просит прощения, что не спустилась к завтраку.

Да кого это волнует!

Мне хотелось сказать ему, что им не надо корчить из себя счастливую семейку. Мне хотелось заорать, что мне не нужно их притворство. Я видел подноготную этого мира, и уже ничего не может потрясти меня больше того, что мне пришлось пережить. Вместо всех этих слов я лишь киваю в ответ и наконец-то покидаю автомобиль Мэтта.

Как только я вхожу в вестибюль школы, ловлю на себе сотню взглядов. Огромная толпа хорошо одетых парней и девушек смотрит на меня с любопытством, но некоторые глядят с нескрываемой неприязнью.

Я иду вперед, сам не знаю куда, но ни на мгновение не теряю уверенности. Никогда нельзя показывать слабость. Чем тверже твой шаг, тем лучше ты контролируешь ситуацию. Впрочем, мне и не нужно сильно напрягаться, поскольку, как мне кажется, внутри меня не осталось больше ни капли мягкости.

Анаис идет навстречу мне вместе с каким-то высоким светловолосым типом. Я вижу, что он держит ее за талию, и предполагаю, что это ее парень, отчего мое настроение ухудшается.

– Привет, Дез. Все хорошо? – говорит она мне.

– Все хорошо, – бормочу я и прохожу мимо них, направляясь... Черт возьми, я не знаю, куда идти!

– Прости, что не подождала тебя, но мне нужно было... – раздается ее голос у меня за спиной.

– Да, знаю. Твой отец мне сообщил, – отрезаю я.

– У тебя есть минутка? Я хотела с тобой поговорить.

– Это обязательно?

Я сделал бы все что угодно, лишь бы не дышать одним воздухом с этим типом, который продолжает злобно смотреть на меня.

Он носит куртку с эмблемой школьной футбольной команды, и его крепкое телосложение выдает в нем спортсмена. Должно быть, он тоже квотербек, как и я.

Только чтобы заставить этого типа ревновать и стереть с его лица ухмылку, напоминающую мне гримасу паралитика, добавляю:

– Можем поговорить вечером. Приходи ко мне в комнату.

Анаис делает глубокий вдох и бросает беспокойный взгляд на этого пижона. Я подмигиваю ей и продолжаю свой путь.

– Дез, подожди! – На этот раз Анаис встревожена, и я чувствую себя кретином, что поставил ее в неловкое положение, но когда оборачиваюсь и снова вижу выражение лица идиота, который прилип к ней как банный лист, то сразу же освобождаюсь от любых угрызений совести.

Да пошло оно все! Будет весело пощекотать ему нервишки. Да еще и очень просто, судя по его покрасневшим ушам.

– Ок, валяй! – говорю я Анаис.

– Я не представила тебе моего парня. Его зовут Брайан Майлс. Брайан, это Дез.

Брайан. Майлс. С сегодняшнего дня я нарекаю его Задницей младенца.

На его лице нет ни единого волоска. Сопляк.

Никто из нас не протягивает друг другу руки. Если он ждет, что я сделаю первый шаг, то совершает огромную ошибку. Так что, к разочарованию Анаис, мы оба ограничиваемся лишь кивками.

– Тебя хотят видеть в секретариате, – продолжает Анаис, нарушая напряженное молчание.

– И зачем?

– Не знаю, наверное, чтобы дать тебе расписание уроков или типа того, – она пожимает плечами.

«Типа того». Значит, меня ждет какая-то чушь.

– А где тут секретариат? – спрашиваю я, хотя указатель прямо у меня перед глазами.

– Ты сможешь найти ее сам. Нам нужно идти, Анаис, – говорит пижон.

О, посмотрите-ка! Задница младенца умеет говорить.

– Брайан, не груби, – осаждает его Анаис, и я злорадствую.

Да, верно, это по-детски, но я столько раз имел дело с такими идиотами, как он. Брайан Майлс – богатый и избалованный тип, который привык получать от жизни все, включая такую девушку, как Анаис. И хотя мне вообще не должно быть до него дела, тот факт, что он явно считает ее своей собственностью, начинает выводить меня из себя.

– Он прав, я сам найду секретариат, – произношу я. Мой взгляд перескакивает с Анаис на Майлса и останавливается на нем, просто чтобы еще раз бросить ему вызов.

– Я могу проводить тебя! – настаивает Анаис. – Нам нужно быть в классе через десять минут. Так что у нас еще есть время.

Она смотрит на своего парня и явно надеется, что он ничего больше не скажет.

– Не стоит, – отказываюсь я и широко улыбаюсь ей в ответ, а затем показываю на указатель, который ведет в кабинет секретаря. – Я справлюсь.

Однако перед тем, как уйти, я совершаю еще одну провокацию.

– Но приглашение зайти сегодня вечером остается в силе.

Анаис краснеет и широко раскрывает свои невероятные ясные глаза. Она начинает нервно сжимать переплетенные на плоском животе руки и прикусывает нижнюю губу.

– Нам ведь нужно получше узнать друг друга и... типа того, – добавляю я и жадно смотрю, как она зубами смазывает вишнево-красный блеск для губ. Затем я разворачиваюсь и ухожу прочь.

Секретарша протягивает мне с другой половины письменного стола расписание занятий.

– Надеюсь, что у нас тебе понравится, – говорит она.

Можно подумать, ей действительно не все равно, останусь я в их престижной школе на месяц или на год. В ответ я лишь киваю, затем проверяю свое расписание и обнаруживаю, что у меня сейчас урок философии в кабинете некоего мистера Нельсона.

Я выхожу из приемной, делаю пару шагов и замечаю перед собой Анаис, рассматривающую какой-то листок бумаги. У нее удивительные волосы медового цвета, источающие тот особенный аромат, который ты узнаешь из тысячи других. Как только она замечает мое присутствие, она сразу оборачивается ко мне, и ее лицо озаряется фантастической улыбкой. Только сейчас я понимаю, что она стоит здесь одна, и я могу позволить себе сполна полюбоваться ее изумительным телом. На ней джинсы, которые превосходно сидят, и обтягивающий большую грудь черный свитер. Даже в таком простом наряде эта девушка способна свести с ума даже святого.

– О, Дез! Ты уже закончил? – спрашивает она меня.

– Что ты тут делаешь? Разве тебе не нужно быть в классе?

Она уловила мой взгляд, и ей стало явно не по себе, поскольку она тут же переступила с ноги на ногу и заправила локон за ухо.

Ее лицо снова залилось краской, и эта стеснительность делает ее еще неотразимее.

– Меня отпустили помочь новому ученику, то есть тебе, – она указывает на меня, но глазами со мной не встречается.

– Тебе дали расписание? – шепчет она.

Я моргаю несколько раз, чтобы взять себя в руки, и, оторвав наконец от нее взгляд, гляжу на листок, который держу в руках.

– Да, вторым уроком у меня философия у некоего мистера Нельсона...

– Значит, тебе со мной, – радуется она, – но прежде чем идти, мне нужно кое-что тебе показать.

Она тоже держит в руках листок бумаги, который сейчас протягивает мне. Я беру его и читаю.

– Этим вечером состоится отбор в футбольную команду, – опережает она меня. – Я подумала, тебя может интересовать спорт. Не знаю. Но судя по твоему телосложению, я подумала, что ты не против футбола...

– Я люблю футбол, – перебиваю ее.

– О! – Она не выглядит удивленной. – Значит, ты сходишь на просмотр?

– Да.

– Брайан – капитан, и наша команда лидирует в чемпионате.

Отлично! Майлс – капитан. До этого я не додумался, хотя и должен был догадаться. Такая девушка, как Анаис, не будет встречаться с кем попало.

– Значит, твой парень – капитан команды...

– Да, – осторожно отвечает она.

– Ему очень нравится быть капитаном? – прислонившись плечом к стене, я складываю листок с объявлением о наборе в команду, чтобы положить его в карман.

«Не делай этого. Не бросай ему вызов», – словно говорит мне взглядом Анаис, но в мои планы не входит быть хорошим мальчиком.

– Разумеется, – отвечает она, чуть приподнимая голову.

Анаис поняла, что я задумал, и ей это не нравится.

Не защищай его, малышка. Ему не место рядом с тобой.

– Разумеется, – повторяю я. – Тогда скажи ему, чтобы он не расслаблялся, а то кто-нибудь придет и займет его место.

Затем без лишних слов я разворачиваюсь и ухожу. Анаис приходится спешно меня догонять.

– Дез! Черт возьми, подожди!

Я чувствую, как ее маленькая рука хватается за плечо, и это будоражит меня. У нее холодные пальцы, и я инстинктивно оборачиваюсь, хватаю их и кладу себе на грудь.

– Что такое? – В смятении из-за противоречивых ощущений, которые вызвало ее прикосновение, я злобно огрызаюсь. Широко распахнув глаза, она смотрит на меня с открытым ртом. Ее бьет дрожь.

– Не переходи дорогу Брайану. Ты не оберешься с ним проблем, а я не хочу этого.

– Ты не хочешь, – повторяю я. – Ты беспокоишься обо мне или о нем?

Анаис не отвечает, но я знаю: что бы она ни сказала, ее ответ в любом случае меня бы взбесил.

– Я умею за себя постоять, Анаис.

– Я знаю, но...

– Нет, не знаешь. Уж поверь мне.

– Я хочу лишь помочь тебе.

– Мне не нужна твоя помощь, – я отпускаю ее руку, и Анаис делает шаг назад.

– Дез, я...

– Меня зовут Дезмонд, – обрываю ее.

Знаю, что еще вчера вечером я открыл ей брешь в стене внутри меня, но, кажется, мне не стоило надеяться, что у меня получится обрести гармонию с другим человеком. Прошло всего ничего с моего приезда, и с тех пор, как я увидел Анаис, у меня плавают мозги. Со мной такого еще никогда не было, и мне не помешают несколько минут, чтобы прийти в себя и осмыслить свой интерес к этой девушке.

Тупица, ты здесь меньше двух дней! Ты здесь мимоходом, и Анаис не для тебя.

На что ты рассчитываешь?

Голос разума неумолим и, как обычно, не дает мне поблажек, так что я снова надеваю привычную маску и бросаю на Анаис холодный взгляд.

– Иди в класс. У меня еще есть несколько минут, и я хочу успеть покурить.

Однако Анаис не двигается. Она будто хочет сказать мне что-то еще, возможно, посоветовать избавиться от этой вредной привычки. Жаль, что Анаис Керпер не тот человек, который может давать мне советы.

Я вынимаю из кармана пачку и достаю из нее сигарету.

– Анаис, я же сказал понятным языком. Что тебе неясно?

Глаза Анаис тут же вспыхивают от ярости, и в этот момент она расцветает.

– Да пошел ты, *Дезмонд*. Не стоит и пытаться быть с тобой вежливой, – она делает ударение на моем имени, подчеркивая воображаемую дистанцию, которую я потребовал уважать. Затем резко разворачивается, хлестнув меня своими медовыми волосами, и гордо уходит прочь. С моего лица медленно сползает насмешливая улыбка.

Отлично, сестренка! Держись от меня подальше, так будет лучше для всех.

Черт, находиться в одном классе с ней и Майлсом... хреново! Они оба не сводят с меня глаз. Во взгляде Анаис читается смесь ярости и беспокойства, а внимание ее бойфренда пробуждает во мне злые мысли, особенно когда Джина Салливан поднимается со своего места к доске и Майлс, облизываясь, пялится на ее задницу. И это рядом со своей девушкой, которая, ничего не замечая, продолжает что-то писать в тетрадке или... посматривает на меня.

К счастью, несмотря на то, что сама по себе философия – скука смертная, урок пролетает быстро.

Я беру свое расписание, чтобы понять, какой предмет следующий: на очереди химия в другом кабинете. Я собираю свои вещи и вижу, как Джина, возвращаясь на место, подмигивает Майлсу. Это приводит меня в бешенство. Мой взгляд падает на Анаис, которая прилежно собирает свои тетради, не замечая, что ее парень прямо перед ее носом флиртует с другой.

Как же она ничего не понимает?

Я пересекаюсь глазами с этим мерзавцем. Мой взгляд яростно пылает, его – полон наглости.

Он понял, что я все видел, но знает, что это сойдет ему с рук, и наслаждается моментом.

Гаденьши!

Я преподавал бы ему урок, чтобы Анаис поняла, с кем имеет дело, но я тут новенький, а Майлс – ее парень.

Что со мной вообще происходит?

Какое мне дело, если избалованная девчонка решила встречаться с таким типом, как Майлс. Вполне вероятно, что она все знает, в том числе и то, что ее бойфренд не пропускает ни одной юбки, но он – самый популярный парень в школе, у которого водятся деньги, потому что его папаша богат. Так что все нормально.

Фух!

Следующие уроки проходят без лишних волнений. Я стараюсь избегать как Анаис, так и Майлса. Это можно считать большой удачей, учитывая, как этот тип действует мне на нервы.

Скорей бы увидеть его физиономию, когда я заявлюсь на футбольное поле, где будет проходить отбор в команду. Моя жизнь была ночным кошмаром, но футбол всегда был для меня компенсацией. Возможно, это вообще единственное, в чем я могу быть одним из лучших.

Таланта мне не занимать, как и спортивного азарта. Когда я, завладев мячом, мчусь мимо соперников, пытающихся меня остановить, я чувствую себя богом. Потому что каждую чертову игру у меня все получается. Я обхожу противника и бросаю мяч туда, куда хочу, с такой точностью, что иногда поражаюсь самому себе. Так что да, пусть это и покажется самоуверенностью, но я знаю, чего стою, и уверен, что меня возьмут в команду.

А потом я подумую, как отобрать место капитана у Задницы младенца.

8

Анаис

Он уже показал мне свои шипы и насколько больно можно о них уколотся.

Все утро меня раздирала ярость из-за того, как поступил со мной Дезмонд, но пока я разминаюсь вместе с другими девчонками перед началом тренировки, я никак не могу перестать наблюдать за отбором новых членов футбольной команды.

Дез уже на поле. На нем шлем, баскетбольные шорты и майка Калифорнийского университета, которая хорошо смотрится на его широкой спине и мускулистых плечах. Спортивная форма только подчеркивает, насколько он хорош собой, и неудивительно, что Брайан неотрывно следит за мной. Дезмонд наделен какой-то темной красотой, и она завораживает.

Даже девчонки из моей команды заприметили Дезмонда и сейчас обсуждают его.

– И каково это, жить в одном доме с таким красавчиком? – спрашивает меня Эллисон.

Я делаю вид, что не слышу ее, и продолжаю разминаться, но Вики заходит еще дальше.

– Он такой нелюдимый! На каждого, кто сегодня пытался к нему приблизиться, он смотрел так неприветливо... Но в нем есть что-то очень привлекательное! Хотела бы я поцеловать его губки, чтобы он перестал их надувать.

Боже мой! У меня едва не вырывается стон отвращения.

Затем Вики слегка задевает меня локтем, чтобы привлечь мое внимание:

– Он же для тебя типа братик, ведь так? Ты могла бы устроить мне свидание с ним?

Покажу ему Сан-Диего, например.

«Покажу ему Сан-Диего». Тьфу!

– Хм... Ну... – бормочу я в надежде, что она от меня отстанет.

Горячий пот бежит по моей коже, от чего мое раздражение усиливается.

Я не могу оторвать от него глаз, и он даже не знает, что мои подружки просят устроить им свидание... Но что со мной происходит?

Почему меня волнует этот парень?

Думаю, на самом деле я знаю ответ. Дело не только в том, что мой отец обязал меня помогать. Дезмонд увидел мои шрамы и, кажется, понял их причину, а главное, как бы это абсурдно ни звучало, я не боюсь, что он будет осуждать меня.

В его взгляде не было ни нежности, ни боли. Только понимание.

Быть может, это и есть причина, по которой меня тянет к нему, пусть он уже и показал мне свои шипы и насколько больно можно о них поцарапаться.

Шум игры застает меня врасплох, и я вновь гляжу, что происходит на поле. Я нахожу глазами Дезмонда, а затем и Брайана. Мой парень явно не рад присутствию Деза: я вижу, как свирепо Брайан смотрит и изо всех сил пытается его обрушить.

Да, обрушить. Другого подходящего слова я просто не нахожу.

Шум от тяжелых падений парней, которые стонут от боли, сшибаясь друг с другом, начинает меня беспокоить.

Дезмонд перехватывает мяч, уворачивается от противника, отталкивает того в сторону и делает пас прямо в руки Джонсона. Тому остается только заработать первый тачдаун. После Джонсон подбегает к Дезу и дает ему пять.

По позе Брайана я понимаю, что его очень напрягает происходящее, но все равно не могу не испытывать гордость за Деза.

– Вау! Черт возьми, как же он хорош! – снова говорит Вики, и мне остается только кивнуть в ответ.

Я должна объявить начало тренировки, но, кажется, мы все сейчас только и делаем, что следим за возможным новым членом команды. А вероятность того, что он им действительно станет, только увеличивается, учитывая, какую игру продолжает показывать Дезмонд. Он здорово противостоит всем захватам, и остановить его по-настоящему сложно. Дезмонд действует с обезоруживающей легкостью, и каждый раз, когда он делает удачный пас, тренер одобрительно ему кивает. Брайан, наоборот, выражает неудовольствие. Он не хочет видеть Деца в команде, но, кажется, мистер Дэвис иного мнения: Дезмонд покорила его, и я чувствую себя почти виноватой, что рассказала новоиспеченному брату о просмотре в команду.

– Начинаем или нет? – недовольно фыркает один из наших ребят.

– Да, Джексон. Одну минутку, – пытаюсь еще немножко потянуть время.

Никогда прежде мне не был так интересен футбольный матч, и сегодня все изменилось только из-за Деца.

Радостная энергия в каждом его движении, уверенность, с которой он уходит от соперников, и решительность, с которой его мускулистые руки совершают броски, – все это противоположно тому впечатлению рокового красавца, которое он пытается произвести на окружающих. Ясно, что он любит американский футбол, и так странно видеть сейчас его улыбку. Когда Дез улыбается, его лицо полностью меняется и становится еще прекрасней.

Тренер дает свисток, сигнализируя об окончании игры, я делаю глубокий вдох и чувствую, как мое сердце начинает понемногу успокаиваться.

Команда расходится по полю, и ребята принимаются за заключительные упражнения. Мистер Дэвис подзывает к себе Дезмонда для разговора.

Я вижу, как Дез снимает шлем и внимательно слушает слова тренера. Кивает, и выражение его лица потихоньку смягчается. Затем тренер хлопает его по плечу и отходит в сторону. Когда Дезмонд поворачивается ко мне, у меня перехватывает дыхание.

Он подкидывает вверх свой шлем и улыбается так же, как во время матча.

Дело сделано. Он в команде, и это в том числе и моя заслуга.

Я хочу улыбнуться Дезмонду в ответ, но Брайан уже смотрит на меня, и его угрожающий взгляд мне не нравится. Кроме того, я еще не забыла, что он совсем недавно говорил о Деце, поэтому я сдерживаюсь, чтобы не показать свой дружелюбный настрой.

Я вернула Дезмонду долг за вчерашнее, когда он спас меня от моего отца. Теперь мы квиты.

Прежде чем повернуться к своей команде и хлопнуть два раза в ладоши, чтобы привлечь ее внимание, я вижу, как во взгляде Дезмонда появляются сомнения.

– По местам, ребята, – обращаюсь я к своей группе. – Начинаем!

На часах почти десять часов вечера, и мы только что поужинали.

Дезмонд не проронил ни слова, даже когда мой отец спросил у него, как прошел день. Другой на его месте поспешил бы рассказать, что попал в команду, но Дезмонд, по-видимому, не рвется сообщить эту новость моим родителям. В доме Керперов не ведут важные разговоры: когда мы собираемся вместе, все выглядит так, будто каждый только и считает минуты до окончания этой пытки, и Дез не исключение. Конечно, ужин не принес мне удовольствия. Много раз я напрасно старалась встретиться с Дезмондом глазами, а когда перестала пытаться, уже он начал искать моего взгляда, однако назло ему я теперь всячески игнорировала его попытки. Наконец, когда нам разрешают покинуть стол, я бегу в ванную и теряю счет времени. Я умываюсь, чищу зубы, затем завязываю волосы в небрежный пучок. Я делаю все на автомате, будто робот. Тяжело вздохнув, я бросаю взгляд на унитаз. Это тоже уже привычка, но я не хочу выворачивать себя наизнанку. В этом нет необходимости, учитывая, что я съела очень мало. Я выхожу из ванной, и вся усталость от сегодняшнего дня обрушивается на мои плечи, словно

валун, который сорвался вниз с вершины горы. У меня нет сил, однако в беспокойстве я ворочаюсь в постели и хорошо знаю причину этого: улыбка Дезмонда.

Его сияющее радостью лицо сложно забыть. Сегодня у меня было впечатление, что он, может быть, неосознанно позволил мне увидеть крохотную искорку, сверкающую в нем. И я почувствовала себя странно. Возможно... да, счастливой. Он сбил меня с толку, и я чувствую, что впутываюсь в серьезную неприятность, как и весь этот дом.

Смотрю на будильник: уже почти полночь. Время бежит быстро, может быть, так же быстро, как и мои мысли, а они мчатся с огромной скоростью.

Я хочу пить, нужно спуститься на кухню. Когда я выхожу в коридор, мой взгляд устремляется налево. Это неизбежно. Я продолжаю искать Дезмонда и веду себя как дура, поскольку потокаю этим порывам вместо того, чтобы взять себя в руки.

Из-под двери его комнаты пробивается луч света. Кажется, Дезмонд тоже не спит. Это глупо, но я представляю, что одной из причин его бессонницы могут быть я, и, что еще глупее – более того, это выглядит настоящим сумасшествием, – эта идея мне нравится.

Я должна прекратить это.

Стакан воды. Ради всего святого, я просто собиралась попить воды!

Мне нужно прекратить думать о нем. Сдвинуться с места. Я так и делаю. Как можно тише я спускаюсь вниз, и появившееся на секунду безумное желание постучать в дверь Дезмонда, чтобы немножко с ним поболтать, меня покидает.

Да и о чем?

Я знаю Дезмонда лишь несколько часов, и он уже показал мне свою замкнутость, но мне нравится слушать его и видеть, что ему удастся разглядеть мою истинную натуру. Мне нравится, когда он застаёт меня врасплох, и нравится злиться из-за его дерзости, потому что в такие моменты внутри меня пробуждается настоящая Анаис и я хочу выпустить ее наружу.

Я пересекаю гостиную и иду сначала по персидским коврам, но, как только под моими ногами оказывается мраморный пол, я вздрагиваю. Если днем дом кажется мне огромным и роскошным, то сейчас, когда все спят в своих кроватях и горят лишь два светильника возле камина, он напоминает замок с привидениями, где царит небывалая тишина и обитают лишь тени.

Мне не страшно, ведь я выросла здесь, но в этих стенах, которые видели меня маленькой девочкой, есть что-то, что приводит меня в трепет. Каждый раз, когда у меня появляется такая возможность, я закрываюсь в своей комнате, потому что это единственное место, где я могу почувствовать себя собой и разлететься на кусочки, когда захочу.

Со стен на меня строго смотрят картины моей матери, и я показываю им средний палец. Я слегка улыбаюсь, испытывая одновременно и гордость за себя, и грусть. Мне хотелось бы так сделать и в других ситуациях, но я никогда себе этого не позволяю.

Неожиданно справа от себя я замечаю какое-то движение. Я здесь не одна. Дезмонд на кухне, перед открытым светящимся изнутри холодильником. На нем спортивные черные штаны и изрядно поношенная футболка с «Металликой», которая ему явно коротка. Его волосы взлохмачены, и спутанная челка все время падает ему на лицо, так что я с трудом удерживаюсь, чтобы не подойти и не убрать ее с его глаз. Дезмонд пристально смотрит на меня, и кривая улыбка появляется на его губах.

Черт возьми, как же он хорош!

– Думаю, твоя мать не обрадовалась бы, узнай она, как ты ведешь себя с ее ценнейшими картинами.

Мое лицо горит от стыда. Мне хочется снова подняться наверх или, еще лучше, просто испариться, но это – мой дом. Я не позволю себе робеть из-за какого-то незнакомца, который уделяет мне внимание ради своего удовольствия. Возьму стакан воды и отправлюсь в свою постель.

– А ты чего не спишь? – спрашиваю я, уверенно направляясь к шкафу с посудой.

Дезмонд пожимает плечами.

– Я проголодался. Хочешь тоже? – Он показывает на сэндвич, который делает.

– Нет, спасибо.

– Ты ведь не ахти как поела за ужином.

– Я достаточно поела, – возражаю я.

– Достаточно для кого?

Боже!

Для моей матери, хочется сказать мне, потому что это сушая правда, и еще недавно другого объяснения не требовалось. Однако сейчас все по-другому: еда стала моим злейшим врагом.

– Для себя, – произношу я сквозь зубы в раздражении от того, насколько хорошо он уже понял мою жизнь. Мне хочется бросить ему вызов и снова закрыться на все замки. Мои границы нарушать никому не позволено. Границы, за которые, будем честны, никто никогда и не хотел заглядывать. Однако Дезмонд сбивает меня с толку, протягивая тарелку с сэндвичем.

– Составь мне компанию, Анаис. Не люблю есть в одиночестве.

– Я не голодна, – пытаюсь возразить я, и Дез закатывает глаза.

– Давай же! Это всего лишь сэндвич, – он подмигивает мне, и на его лице вновь появляется все та же прекрасная кривая улыбка. Я сдаюсь, беру тарелку и запрыгиваю на кухонную стойку.

– Доволен? – раздраженно спрашиваю его. Однако я не знаю, по-настоящему ли испытываю злость.

Его взгляд падает на мои обнаженные ноги. Затем он медленно поднимает глаза. Слишком медленно и коварно. Смотрит мне в лицо. Его взгляд сейчас будто горячо ласкает меня.

– Более чем... – отвечает Дезмонд. Его тон слегка изменился. Он становится низким и наполненным туманным желанием, и я стараюсь не дать удовольствию отразиться на моем лице. Кажется, я тоже могу поставить его в затруднительное положение.

Я отламываю кусочек от своего бутерброда, пока Дезмонд уплетает сэндвич за обе щеки.

– Ты же столько съел за ужином, – удивляюсь я. – Когда ты успел так проголодаться?

– Если ты не заметила, у меня молодой растущий организм. Мое тело нужно кормить.

Его тело будто вытесано из камня, и хотя я не видела его торс обнаженным, очертания мышц под обтягивающей футболкой не дают ни малейшего повода усомниться в их крепости.

– Ладно... – понижаю я голос и пытаюсь скрыть впечатление, которое производит на меня упомянутое тело Дезмонда. – Полагаю, что для парней это нормально.

– Здоровый аппетит – это нормально для всех, Анаис.

Он произносит это с такой серьезностью, что беспокойство скручивается в комок у меня в животе.

Почему мы вдруг заговорили о еде?

Я пытаюсь сменить тему.

– Значит, ты в команде... – я тереблю салатный лист на тарелке в надежде, что Дез заметит, как мне дискомфортно.

Я не знаю его, а Дезмонд не знает меня, но он уже показал, что понимает, в каких моментах я сталкиваюсь с затруднениями.

– Кажется, так, – отвечает он, и я издаю вздох облегчения, который, однако, застревает у меня в горле, когда Дез вдруг делает то, что никто никогда со мной не проделывал: он берет недоеденный сэндвич с моей тарелки, отламывает кусочек и подносит к моим губам.

Что за...

– Тренер хочет видеть меня в команде, и мне показалось, что я ему пришелся по душе. Ну же, Анаис, открой рот.

Я подчиняюсь. Словно загипнотизированная, я касаюсь губами его пальцев и совершаю ошибку: гляжу ему прямо в глаза. Они тут же расширяются, черные и глубокие, и засасывают меня. Я приказываю себе уцепиться хоть за что-то. За любую вещь, лишь бы не рухнуть вниз.

– Твой парень не сильно-то мне помешал на поле, – я слышу в голосе Дезмонда удовлетворение и чувствую, что должна вступить за Брайана.

– Сегодня был не его день.

Взгляд Дезмонда становится колким, затем он кивает и отламывает еще один кусок от сэндвича и снова подносит к моему рту:

– Как скажешь.

Я медленно жую, затем глотаю. Все это под его взглядом, который с особым интересом следит за моими губами.

К моему удивлению, сэндвич оказывается вполне съедобным и доставляет мне удовольствие: впервые за очень долгое время я ощущаю вкус еды. И чувствую себя немного непривычно, но на этот раз это приятное ощущение. Взгляд Дезмонда позволяет мне почувствовать себя красивой. Не такой, какой видят меня остальные, а по-настоящему красивой.

– Я на тебя сержусь, – заявляю я и ломаю это волшебство.

– На меня? – Дезмонд переспрашивает с таким невинным взглядом, что я с трудом сдерживаюсь, чтобы не поверить ему. – Да ладно, Анаис. Ты сама увидишь, что твой парень – мерзавец.

– Прекрати к нему цепляться.

– А ты прекрати его защищать. Он уже не карапуз.

– Я говорю не только о нем. Может, тебе напомнить, как ты сегодня вел себя со мной? – в сердцах бросаю я, однако я рада, что это воспоминание заставляет меня взять над собой контроль, и мысленно возвращаюсь к той нашей стычке, еще сильнее разжигая раздражение. – Ты новичок. Тебе нужны друзья, и нужно использовать любую возможность, чтобы кто-то встал на твою сторону. Если ты станешь другом капитана футбольной команды – это поможет добиться твоих целей. Но быть моим другом – еще важнее, Дезмонд.

Его взгляд меняется.

– Ты серьезно?

– Да, черт возьми! – взрываюсь я. – Я протянула тебе руку, а ты плюнул в нее. Ты так привык делать?

Дезмонд стискивает губы и с пылом ставит тарелку на стойку. Я попала в цель и теперь испытываю внезапное облегчение.

С таким Дезмондом я смогу справиться.

В отличие от того, любезного и заботливого.

– Ок. Давай проясним пару вещей: то, что ты видела сегодня, и рядом не стоит с тем, что я привык делать. Так что на твоём месте я не стал бы сильно жаловаться, – грубо говорит он, – а еще я не хочу, чтобы ты протягивала мне свою хренову руку, потому что я – не такой, как ты или твои друзья, девочка. Я и могу всего добиться самостоятельно.

– Не называй меня девочкой...

– Не называть? – Дез злится еще больше, и мне кажется, перепалка доставляет ему удовольствие, – А мне кажется, что именно так тебя называть и следует, *девочка*.

Я спрыгиваю с кухонной стойки и, потеряв равновесие, едва не падаю.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Как и ты обо мне, поэтому скажу еще понятнее: мне не нужна ни твоя помощь, ни помощь твоего папаша. Я здесь лишь потому, что твои родители забрали меня, и тот факт, что вы безумно богаты, не обязывает меня лизать вам задницу, пока вы меня содержите. Все это... – Дезмонд указывает на помещение вокруг, – для меня это лишь одна из сотни лживых масок. Я к ним привык. Меня это не впечатляет, Анаис. Не очаровывает и не прельщает. Как

не прельщаешь меня и ты, потому что ты – избалованная девочка, для которой я – всего лишь каприз, новая игрушка, подаренная отцом.

Я чувствую жгучее желание заплакать и проклиная себя за слабость.

– Я лишь хотела стать тебе другом, – шепчу я.

На мгновение его плечи поникают, он поворачивает голову и смотрит куда-то в сторону.

– Ты мне не друг, и никогда не захочешь им стать, – произносит Дезмонд. – Можешь быть уверена.

Я шмыгаю носом и впервые с того момента, как Дез оказался в нашем доме, вижу, как ему тяжело. Он переступает с ноги на ногу и старается не смотреть на меня.

– Хорошо, – заключаю я. – Если ты этого хочешь, я буду держаться от тебя подальше.

Ты прав, мы слишком разные, я и ты.

Я разворачиваюсь и бегу наверх.

Притворяться сложно, но мы притворяемся сами и привыкаем к вранью, но как только кто-то извлекает на свет нашу правду, мы сбегает, потому что удрать намного проще, чем остаться.

9

Дезмонд

До каких пор возможно сражаться против безразличия, не обращая внимания на боль?

Анаис. Я смотрю на нее сейчас, когда уверен, что она не глядит на меня. Она внимательно слушает урок, прекрасная до боли. До боли, которую каждый день причиняют ей ее родители. Но Анаис всегда держит планку.

Анаис, тебе нельзя это есть.

Анаис, у тебя четверка по истории искусств? Ты меня разочаровываешь.

Анаис, эта кофта безобразна, он выставляет напоказ твою грудь.

Эх, как бы мне хотелось сказать Саре, чтобы в тот раз она закрыла свой поганый рот! Потому что у Анаис потрясная грудь и задница, и я мечтаю о них каждую ночь.

Когда я вижу, что Анаис улыбается этому самодовольному болвану Майлсу, отвожу взгляд и стискиваю ручку в кулаке.

Я спрашиваю себя, а что, если и он входит в набор «идеальной жизни», предложенный ей отцом? Однако у меня нет права задаваться таким вопросом, потому что я окружил себя стеной и оставил Анаис по ту сторону, не дав ей шанса узнать меня.

Что я требую от нее?

До каких пор человек может сражаться против безразличия, не обращая внимания на боль?

Уже несколько дней, как я «усыновлен» Керперами, и все это время я старался не оставаться с Анаис наедине. Притяжение, которое я испытываю к ней, переполняет меня, разрушает мои мысли, и мне нельзя подпускать ее близко. Анаис вбила себе в голову, что должна помогать мне, но никто не может спасти меня от ярости, которую я чувствую.

Урок философии такой нудный, что я предпочел бы колоть камни под палящим солнцем, чем сидеть здесь и слушать экзистенциальную брехню мистера Нельсона.

Я смотрю по сторонам и пытаюсь найти способ абстрагироваться от всего вокруг.

Мои одноклассники не лучше меня, и хотя они выглядят сконцентрированными, заметно, что им совершенно плевать на немецких идеалистов. Они смотрят пустыми взглядами, словно того и гляди грохнутся на пол. Но изображают, что им действительно интересно. Такова цена за оплату учебы богатым папашей.

Я издевательски улыбаюсь. Если бы Брейден был здесь, мы бы придумали, как развлечься.

С каждым разом я все больше убеждаюсь, что мы с ними действительно принадлежим к разным породам. Они – типичные папенькины сынки, а я – нежеланный ублюдок, которого временно всучили Керперам.

Они родились и выросли в роскоши. Я здесь случайно.

Они были желанны. Меня подобрали как старый обтрепанный мячик в тот момент, когда для меня угасла всякая надежда на усыновление.

К счастью, невероятный, самый правильный и великодушный кардиохирург Мэттью Керпер оказал мне милость и забрал меня. Он даже хочет дать мне свою фамилию и настаивает, чтобы я уже сейчас задумался об этом.

Год пролетит быстро, Дезмонд. Мне не хочется, чтобы ты отверг мое предложение, поскольку ты просто недостаточно его обдумал.

В остальном, если оставить в стороне Анаис – но, с некоторыми оговорками, к ней это тоже относится, – я чувствую себя абсолютным чужаком и зол на мир, который сыграл со мной злую шутку эпического размаха, еще когда я был ребенком.

Я не должен был узнать другую сторону медали. Никто не заслуживает подобного в таком возрасте, но, кажется, самый главный, сидящий там, наверху, не имел особых планов на мой счет.

Из открытого окна дует приятный теплый ветерок, и я перемещаюсь на десять лет назад. В тот день я тоже сидел в классе. Со мной случились такие неприятности, о которых обычно ребенок не должен и думать.

Мои родители владели цветочным магазином, который разорился.

Моя семья была не слишком успешной, денежные проблемы были в порядке вещей, и родителям было не до нежностей. Никто никогда не пытался меня приласкать. Подзатыльники – да, их я получал постоянно, когда мой отец, тонувший в кредитах, возвращался домой пьяным.

Он развлекался, используя меня как грушу для битья, и мою мать, казалось, все устраивало. Возможно, она даже не догадывалась об этом. Усталая, она запиралась в своей комнате и не могла даже задуматься о том, чтобы прийти мне на помощь. Так что я научился получать побои без единого всхлипа. Отцовский ремень стал способом искупить вину за то, что я появился на свет у людей, которые явно не хотели меня и для которых я оказался досадной помехой. Но, так или иначе, это была моя семья, и однажды утром мой мир полностью перевернулся.

Мои родители врезались в грузовик. Никто не решился рассказать мне об этом, но я не удивился бы, если бы оказалось, что они были в стельку пьяны или обдолбаны. Так буквально за пару секунд я остался один-одинешенек во всем мире. Весомая причина, чтобы пристроить меня как можно скорее в надлежащее место, учитывая, что не было никого, кто мог бы взять меня к себе.

И мать, и отец были единственными детьми в своих семьях, а мои бабушки и дедушки к тому моменту уже умерли. Сказать по правде, я даже не помню их лиц. Дома о них никогда особо не говорили, и вполне вероятно, что я даже не был с ними знаком.

Однажды я услышал туманную историю. Как я понял из нее, семьи моих родителей не очень-то хотели их свадьбы. Причина так и осталась мне неясна, но, оглядываясь назад, могу сказать, что семейная жизнь родителей напоминала какое-то проклятие. Так что я не мог быть не чем иным, кроме как неприятностью.

– Мистер Вэрд, вы можете удостоить нас своим присутствием или я прошу слишком многого?

Лады, ты все-таки добрался до меня, приятель. Действительно, ты слишком многого просишь.

Разумеется, я не говорю это вслух, иначе тут же окажусь у директора, а Мэтта и Сару вызовут в школу.

– Не хотите ли подвести итог нашему сегодняшнему обсуждению? – продолжает мистер Нельсон.

– Нет, – коротко отвечаю я и, вытянув ноги из-под парты, разваливаюсь на стуле с безразличным видом.

– Бедолага, у него проблемы с обучением, – злословит Майлс, и весь класс смеется. – Я полагаю, что ему нужно преподать пару дополнительных уроков. Если хотите, я могу пожертвовать ради этого своим временем.

Учитель не отвечает. Мгновение он смотрит на меня и обдумывает это предложение.

Давай, сделай это, придурок. Скажи «да».

– Неплохая идея, мистер Майлс, – произносит учитель. – Мистер Вэрд только недавно прибыл из другого учреждения, так что, возможно, он отстал от программы. Позанимайтесь сегодня после школы.

Майлс начинает радостно смеяться, Анаис просит его прекратить, но я хочу, чтобы он продолжал.

Впереди настоящее развлечение.

Кэрри, одна из подружек Анаис, улыбается мне. Я подмигиваю в ответ, но потом ловлю взгляд Анаис и тут же становлюсь серьезным.

Не делай этого, Дез. Прошу тебя.

Она умоляет меня.

Я могу уступить. Временно.

В стенах школы мне нельзя делать глупости. Ясно.

А вот за ее пределами – совсем другое дело...

Я сажусь прямо.

– Мистер Нельсон, если Майлс хочет помочь мне с учебой, я буду благодарен ему за это.

К счастью, звонок об окончании урока прекращает этот жалкий спектакль. Я наклоняюсь за рюкзаком и вижу перед собой пару потертых кроссовок.

Снова он!

– Чего тебе? – торопливо спрашиваю я.

– Все то же. Пообедаем вместе? – Захария Кларсон, более известный как Рыжий Зак, ботаник в худшем смысле этого слова, не оставляет попыток сдружиться со мной, словно это его миссия.

Я ухожу прочь, не удостоив его даже взгляда, но он следует за мной.

– Скажи-ка, ты, случаем, не влюбился в меня?

– Спокойно, – смеется он, – мне нравятся девушки.

– Тогда держись от меня подальше. Иди поищи себе какую-нибудь.

Мы проходим мимо шкафчиков. Я останавливаюсь у своего, открываю его и беру учебники для урока физики.

Проклятие! На нас все смотрят. Мне не нравится, когда на меня пялятся эти болваны, да и хитрые взгляды школьниц тоже раздражают. Я сыт по горло девицами, которые хотят приласкать строптивного беспризорника в надежде дополучить недостающие эмоции.

Я делаю вид, что ищу в шкафчике книжку, которая на самом деле мне не нужна, и когда думаю, что Заку надоело меня ждать, закрываю дверцу. И вновь вижу перед собой этого липучку.

Я фыркаю. Не знаю, сколько раз за день я рискую надавать кому-то по роже. У меня серьезные проблемы с самоконтролем, но ботаник, кажется, этого не понимает.

– Слушай, ты меня заколебал. Проваливай, пока цел.

– Черт, у тебя что, проблемы? – неожиданно отвечает Зак.

Я правда не ослышался?

Впервые Кларсон огрызнулся, и мгновение я стою в недоумении. Он ростом мне по плечо, но стоит признать, сложно переплюнуть мой метр восемьдесят семь. Ему приходится задирать голову, чтобы просто посмотреть мне в лицо.

У Зака полно веснушек на носу и крохотные глазки, меньше которых я никогда в своей жизни не видывал. Он носит очки в черной оправе, слишком большие для его лица. В общем, Зак по-настоящему уродлив, однако таким, как он, красота и не нужна. Вероятно, однажды Рыжий Зак станет важной шишкой и будет окружен красотками, привлеченными его деньгами, а не физиономией.

Я сжимаю кулаки, чтобы сдержать ярость.

– Кларсон, тебя это не касается. У тебя ровно три секунды, чтобы смыться отсюда, иначе потом тебя родная мать не узнает.

– Посмотрите-ка, на сцене появляется хулиган с окраины, – кривляется в ответ Зак. – Послушай, красавчик, тебе пора понять, что здесь тебя никто не боится. Мне жаль, что кто-то заставил тебя в это поверить, но знаешь что?

Рыжий Зак на мгновение замолкает и вплотную подходит ко мне.

– Если ты думаешь, что можешь отогнать всех, размахивая кулаками, ты ошибаешься. Не выйдет! А теперь пошел ты к черту, Вэрд.

Он поворачивается ко мне спиной и уходит своей шаркающей походкой. Должен признать, коротышке хватило храбрости заткнуть меня.

Я скрещиваю руки на груди и неожиданно начинаю улыбаться.

Вот это сюрприз!

А Захария Кларсон вовсе не тупой слабак, как я считал.

В столовой именно я иду его искать. Зак сидит за столом в одиночку, и когда я сажусь рядом, он довольно смотрит на меня. Тут же я узнаю, что за три года школьной жизни его компания сократилась до... того, что я вижу. Я делюсь соображением, что если он продолжит изображать из себя книжного червя, это не поможет ему стать членом клуба *одноклеточных* качков, которые стоят во главе этой школы.

Для меня отсутствие друзей – не такая уж большая трагедия, я привык к этому и всегда справлялся один, но ему, похоже, важна компания.

– Я надеялся, что хотя бы мой последний год в школе пройдет иначе, а он, наоборот, еще хуже. Что я буду вспоминать о ней? – жалуется Зак.

– Ты что, на самом деле хотел бы войти в круг этих неудачников? – в недоумении спрашиваю я.

– Честно говоря, по-моему, неудачник тут я.

– Что за хрень ты несешь? – перебиваю я, хотя он не так уж и неправ.

– Ага, мне везет, если никто не изрисовал мой шкафик или не накидал в мой рюкзак разбитых яиц.

– Они же просто кретины.

– Тебе-то легко так говорить, – замечает Зак.

– Идем! – Я встаю и подхватываю свой рюкзак. – У тебя сейчас тоже урок литературы?

Зак с изумлением смотрит на меня. Очевидно, он ждал, что я пошлю его к черту, оставив доедать обед в одиночестве, но все наоборот. Малец мне нравится, и я хочу ему помочь.

Урок английской литературы пролетает быстро. Мне нравится предмет, да и сама учительница, миссис Чэннинг, тоже. Она просто секси.

Химия же, наоборот, кажется бесконечной.

Майлс в одном классе со мной.

Этот придурок развлекается тем, что бросает мне в затылок смятые бумажные шарики, и я еле-еле подавляю желание сломать приборы о его рожу.

Мэйсон, его верная шестерка, сидит рядом с ним и ржет, так что я добавлю еще одного гада в список тех, кого следует серьезно проучить.

– Эй, отстающий! – кричит мне Майлс, когда мы выходим из школы.

Рядом с ним Анаис, которая тут же толкает его локтем.

– Прекрати! Ведешь себя как придурок, – упрекает она Майлса.

Я делаю вид, что не слышу его, и иду дальше, засунув руки в карманы джинсов. Лучше держать их там до нужного момента.

Зак ждет меня возле машины.

– Тебя подвезти? – спрашивает он меня.

Я оглядываюсь. Мне хочется схватить Анаис за руку и утащить ее с собой, но я не уверен, что она это оценит.

– Оставь его, Дез. Так будет лучше, – говорит мне Зак, – Майлс тебя провоцирует.

– Нет проблем, мелкий, – успокаиваю его и встаю рядом, а затем указываю на его машину:
– Хороша.

Это белый «Форд Меркюри».

– Семидесятого года? – продолжаю я.

– Оригинал, – его худое лицо расплывается в улыбке.

– Ух ты, – присвистываю я, проводя рукой по капоту. – Отличная модель. Не против, если я ее немного встряхну?

– О... о чем это ты? – испуганно говорит Захария.

– Привет, беспризорник, – за моей спиной раздается голос Майлса. Мгновение спустя этот болван уже стоит передо мной, скрестив руки на груди. – Я не могу тратить время, подтягивая твои знания, тупоголовый.

Анаис отстала от него и стоит позади со своими подругами. Она прижимает к груди учебники, ее взгляд опущен.

На парковке полно учеников, почти все смотрят на нас и ждут, чем все закончится.

– Скажи-ка, а в обносках, случаем, нет вшей или еще каких паразитов? – Майлс повышает голос, чтобы его услышала Анаис: – Дорогая, вы ведь его продезинфицировали? Мне бы не хотелось оказаться в зараженном доме.

Мое ангельское терпение лопнуло.

Я хватаю Майлса за воротник фирменной футболки и прижимаю физиономией к капоту драгоценной машины Зака.

– Вот дерьмо! – только и произносит Захария, запустив руки в волосы.

Я наклоняюсь к пыхтящей роже Майлса, шею которого стискиваю, так что он не может пошевелить головой, и которого крепко держу за руки.

– Ты мог бы повторить, Майлс? – говорю я. – Знаешь, мои уши так забиты грязью. Я плохо расслышал, что ты сказал.

– Пошел ты! – хрипит Майлс и начинает брыкаться, так что я зажимаю его ноги своими.

– Черт! Я совсем тебя не слышу! – издеваюсь я. – Зак, подойди сюда, пожалуйста.

Мой новый друг смотрит на меня с изумлением и ужасом. Затем он наконец-то делает несколько шагов.

Я проверяю, все ли в порядке с Анаис. Не могу не проверить. Она лишь молча наблюдает за происходящим, а затем отворачивается в сторону. Не знаю, о чем мне говорит ее спокойствие, но я уверен, что Анаис укоряет Брайана, а не меня. По крайней мере, я надеюсь на это.

Я снова поворачиваюсь к Заку и делаю ему знак подойти ближе.

– Сейчас я задам несколько вопросов нашему другу. Тебя не затруднит объяснить мне, что он ответит?

– Д-да, конечно, Дез.

– Хорошо, – я еще сильнее заламываю руки Майлсу, и тот кричит от боли.

– Ублюдок, ты мне их сломаешь, – стонет он.

– Прошу прощения, – ухмыляюсь я. – Итак, Майлс, ответь на вопрос: отстающий сделал тебя?

Майлс молчит, сжав губы, так что я надавливаю еще сильнее.

– Черт! – вопит он. – Ладно, ладно. Да, хорошо, отстающий сделал меня.

– Что он сказал? – переспрашиваю я у Зака.

– Дез, он сказал, что отстающий сделал его.

Я одобрительно киваю, но на этом не заканчиваю.

– И второй вопрос: беспризорник отнимет твое место в команде, а, Майлс?

Майлс нервно сглатывает и бросает на меня взгляд, полный ненависти, но я чувствую себя на вершине мира.

– И так? – надавливаю я. – Я не могу тратить на тебя целый день.

– Проклятие, да!

– Зак? – кличу своего нового друга, чье напряжение наконец-то рассеивается, и я вижу на его лице улыбку.

– Он сказал, что беспризорник отнимет у него место в команде, Дез, – отвечает Захария.

Команда. Его команда. Он знает, что произойдет. Я стану ее лидером, это лишь вопрос времени.

С отворачиванием на лице я отпускаю Майлса.

– Хорошо. Мне кажется, что урок усвоен.

Брайан трет руки, и я снимаю с его футболки воображаемую пылинку.

– Если будут какие-то проблемы с пониманием темы, – сообщаю я ему, – можем повторить наше занятие, придурок.

Зак смотрит на меня будто на божество, и я подмигиваю ему.

– Я с удовольствием намотал бы кружок, если ты мне дашь порулить этой красотой.

– Без проблем, – он кидает мне ключи. – Когда захочешь.

Прежде чем сесть в машину, я снова ищу взглядом Анаис.

Она смотрит на меня и держится за плечо. Возможно, под свитером еще один порез.

«Мне жаль», – будто говорит взгляд Анаис.

«Все в порядке», – пытаюсь ответить ей.

И, возможно, мне это удастся, поскольку на ее лице появляется еле заметная улыбка, от которой небо становится более ясным.

10 Анаис

**Есть нечто, что невозможно нельзя объяснить. Понимает только тот,
кто похож на тебя.**

Опять я опаздываю, черт возьми!

Сегодня – один из тех дней, когда чувства берут надо мной вверх, и я хорошо знаю причину такого моего состояния. Вчерашнее происшествие открыло мне глаза на то, что я испытываю с того момента, как Дез появился в нашем доме.

Вчера. Этот день я никогда не забуду, потому что в тот момент, когда Дезмонд решил поквитаться за причиненные ему обиды, я должна была встать на сторону моего парня, но вместо этого я болела за Деа. Пока Дезмонд прижимал Брайана к капоту машины Кларсона и заставлял его проглотить утренние оскорбления, я ликовала, будто моим парнем был именно Дез.

Сегодня ночью я договорилась сама с собой, что решу все своим привычным способом. Утром я собиралась закрыться в своей комнате и воспользоваться лезвием бритвы, чтобы выпустить наружу ощущения, которые будоражат мою кровь, но Линда пришла вытаскивать меня из кровати, и мне пришлось вставать, потому что не хотелось причинять ей неудобства.

Я подъезжаю на свое привычное место на школьной парковке и сразу мчусь на урок, будто от этого зависит моя жизнь.

Если бы я пришла в кабинет мистера Джонса вовремя, я была бы спасена, но я безумно опаздываю и потому спешу изо всех сил.

Он позволил мне исправить плохую отметку, которую я получила от него на прошлой неделе за тест по астрономии. Я уверена, что другой возможности мистер Джонс мне уже не предоставит, поэтому нужно бежать.

В свое оправдание я могла бы сказать ему, что плохо сплю, потому что темные глаза не дают мне покоя. Да и тот факт, что мой парень выставляет себя настоящим кретином, тоже не сильно помогает. Кроме того, моей матери, кажется, доставляет удовольствие, что я, несмотря на все усилия, не могу быть идеальной дочерью. Впрочем, как всегда.

Запыхавшаяся, я вбегаю в школу и быстро иду дальше, не обращая внимания ни на приветствия, ни на первогодок, которые при виде меня опускают глаза или, наоборот, в смущении не сводят с меня взгляда. На моем пути мне встречается целая толпа, и я ругаюсь себе под нос. Времена, когда мне нравились многолюдные школьные коридоры, уже давным-давно прошли.

Я мчусь к кабинету, на ходу копаясь в своем рюкзаке. Не хочу задерживаться у своего шкафчика, поэтому стараюсь так проверить, есть ли у меня все необходимое. И в этот момент на моем пути вырастает... стена. И судя по тому, что эта стена хмыкает, она – человек.

Я роняю свой расстегнутый рюкзак, и мои вещи разлетаются по полу.

– Кретин, смотри, куда прешь! – в ярости кричу я и на мгновение снова становлюсь эгоцентричной стервой, которую все знают. Теперь мое приемлемое опоздание станет непростибельным, а мистер Джонс не из числа тех, кто относится с пониманием к оплошностям учеников.

Мое учебное задание, проклятие!

Я даже не удосуживаюсь посмотреть, в кого я врезалась, и приседаю, чтобы собрать свои вещи и закинуть их в рюкзак.

Перед моим лицом возникают две мужские ноги в джинсах. Мгновение спустя этот парень садится на корточки рядом и усмехается.

– Детка, это тебе следовало бы разуть глаза.

Дез?

Я ловлю его веселый взгляд и на секунду замираю с губной помадой в руках.

Его челка едва причесана, а на лице все та же кривая чудесная улыбка, и... Мне нужно поторопиться, собрать свои вещи и бежать в класс, но вместе этого, зачарованная, я остаюсь на месте и не свожу глаз с его серьги в виде крестика.

– Когда ты опаздываешь, ты как маленький бульдозер, да? – весело говорит он. – Маленький розовый бульдозер, который пахнет медом вместо бензина. Уверен, в детстве у тебя была такая игрушка в домике Барби.

Это кажется ему уморительным.

– Не удивлюсь, если они есть у тебя и сейчас.

– Прекрати, Дез, прошу тебя, я опаздываю, – бормочу я в ответ, выходя из своего кратковременного транса.

То, что он со мной делает, – это невыносимо. Я должна бороться с этим. Мое душевное спокойствие, сон, который я потеряла, и все странные мысли, сковывающие волю, – это все из-за него.

– Ладно, маленький розовый бульдозер, – снова хихикает Дез, – если я скажу, что сам виноват, раз оказался у тебя на пути, ты прекратишь так на меня смотреть?

Кажется, теперь он готов и вовсе расхохотаться. Он подкалывает меня, и я не знаю, нравится ли мне это.

Я опускаю голову и подбираю учебник и несколько тетрадок, которые теперь нужно убрать в рюкзак.

Дез понимает, что пора прекратить свои шутки, и подает мне руку.

Я бросаю взгляд на его одежду. На нем одна из его обтягивающих футболок. Мой папаша любезно предоставил ему несколько, почти все черные и недорогие, однако на нем они смотрятся просто потрясающе.

– Кажется, ты тоже опаздываешь? – спрашиваю я его.

Дез пожимает плечами. Создается впечатление, что ему вообще плевать на возможную выволочку от учителя.

– Ты видела, чтобы я мчался со всех ног? Вроде бы такого не было. Я слежу за временем, Анаис. Это ты выскочила из-за угла, как одержимая.

– Я не услышала будильник, – ворчу я.

Он подбирает пачку тампонов и протягивает мне.

– Спасибо, – смущенно бормочу я.

Дез подмигивает мне и помогает подняться.

– Ты сегодня забыла корону дома, принцесска?

– Рада, что дала тебе повод развлечься, но я действительно спешу, – обиженно отвечаю я.

Я бросаю взгляд на часы: с начала урока прошло уже десять минут.

Понятия не имею, как буду извиняться и оправдываться перед мистером Джонсом.

Я надеваю рюкзак и сдуваю непослушную челку с глаз. Гневно смотрю на Деза, который по-прежнему стоит передо мной. Он становится серьезным. На его лице снова непроницаемая маска, которую оживляет только поигрывание желваков. Дез смотрит на широкий кожаный браслет на моем запястье рядом с часами. Плетеные ремешки закрывают порез, который я нанесла себе вчера вечером, когда вновь не справилась со своими чувствами.

– У тебя все нормально? – спрашивает он меня, и в его голосе звучит надежда, что я смогу довериться ему и рассказать о своей проблеме.

Как он умудряется понять, когда мне плохо?

Никто этого не может. Уже не меньше года я режу себя и – если не считать внимательность Брианны – всегда умела избежать лишнего внимания. Однако я не могу рассказать Дезу, что я чувствую. Что-что, а скрывать проблемы я умею, и я хочу отгородить его от терзающего меня изнутри монстра, потому что не смогу объяснить, что испытываю. Когда я утвердительно киваю в ответ на его вопрос, то слышу, как он разочарованно вздыхает. Затем Дез берет меня за запястье и мягко проводит пальцами по плетеному браслету.

– Красивый, – произносит Дезмонд, неспешно разглядывая мое украшение. Затем он отрывает от него свой взгляд и смотрит мне в глаза, – но на тебе он мне не нравится.

Голос Деза звучит категорично.

И я забываю обо всем: задании, мистере Джонсе, Брайане и его идиотском поведении. Остается только Дезмонд. И этого достаточно, чтобы успокоить постоянное желание, беспокоящее, словно зуд.

Есть моменты, которые не нужно объяснять.

Их понимает только тот, кто похож на тебя, а между нами с Дезмондом, возможно, куда меньше различий, чем нам кажется.

Он знает, что я испытываю.

Кто знает, сколько раз он чувствовал то же, что и я.

А может, мой монстр схож с его собственными демонами. Дезмонд понимает, когда у меня возникает ощущение, что меня никто не слышит. Он показал это еще в первый раз, когда мы только встретились, в тот вечер, когда мой отец спросил меня про заявление в колледж. Дез увидел, сколько боли причиняет мне осознание, что моя жизнь расписана по чужому плану. Только раненый зверь может учуять другого такого же.

Осознание, что все происходящее сейчас может оказаться для меня очень важным, вызывает головокружение.

Возможно...

Но я не распахну свой мир для него. Это приведет к настоящему хаосу. Для моей жизни. И для его тоже.

Я убираю руку из-под его пальцев.

– Теперь мне нужно идти, и... Дез? Прости за вчерашнее. Брайан вел себя как болван.

Он наклоняет голову, и его прекрасные губы растягиваются в горькой улыбке:

– Но это твой парень, и я его унизил...

Он прав, и я должна злиться на него, но у меня не получается.

Дезмонд снова глядит на мое запястье и молча сглатывает. Мне кажется, что он задается вопросом, не порезала ли я себя из-за произошедшего вчера. Меньше всего на свете хочу, чтобы он считал себя виноватым.

– Он заслужил взбучку, – убежденно констатирую я, но ответа Деза не жду. Я убегаю, а он остается на своем месте и, вероятно, осуждает меня. А быть может, он по-настоящему понимает, как не удавалось до него никому другому.

11 Анаис

У каждого свой ад, и я хочу попасть в ад Дезмонда.

Я забыла о нашей встрече с Брайаном. Ему нужно было купить несколько вещей для бега, и он попросил меня сходить с ним, чтобы мы могли побыть немного вместе. Теперь же Брайан орет на меня по телефону, не скрывая злости.

– Анаис, какого хрена? Я попросил у тебя лишь чуточку твоего драгоценного времени, разве это так много?

В последнее время я отказываю ему с извинениями, что мне нужно учиться, чтобы удержать высокий балл. Так я сделала и сегодня, но это ненастоящая причина моего отказа, и я подозреваю, что Брайан догадался об этом.

– Отлично! – цедит он сквозь зубы после моего жалкого оправдания. – Вечером я иду гулять с ребятами, так что можешь меня не искать.

– Брайан... – я пытаюсь вымолить прощение.

– Заткнись! – Он бросает трубку.

Дело в том, что мне некомфортно оставаться с ним наедине. Мне кажется, я не хочу быть с ним. Поэтому я и отдаляюсь в надежде, что хоть немного соскучусь по нему, но этого не происходит. Мои надежды никогда не оправдываются.

Будто этого мало, дома под строгим надзором матери я проглотила приготовленный Линдой салат. И горькой приправой к нему стал укоряющий взгляд Дезмонда, подбивающий меня возразить или схватить одно из буррито, предназначенных для других – но только не для меня, – и слопать его. Но я этого не сделала, потому что устала сражаться со своей матерью. Устала потакать каждому ее суждению. Я так устала чувствовать боль, когда она холодно смотрит на меня. Устала унижаться и кланчить внимание к себе.

Я устала, устала, устала!

Настолько, что хотела бы закричать и смести со стола все эти дорожные тарелки, хрустальные бокалы и серебряные подсвечники. Напротив, как всегда, я подавила в себе это желание. Я устала сидеть на салатных листьях и медленно жевала свою еду, будто смакую изысканное кушанье. Затем я поднялась наверх и выблевала свои слабости. И надеялась, что освободилась от них навсегда.

Однако, когда я собираюсь лечь в постель, все эмоции вновь усиливаются и сжимают мои легкие, пытаюсь вырваться наружу. Я бегу в ванную, засовываю два пальца в горло, и меня рвет еще раз.

Сколько боли внутри меня?

Почему я никак не могу избавиться от всего этого?

Я чищу зубы и стараюсь не смотреть в зеркало. Это худшие мгновения, которые я называю «моменты истины». Я не хочу видеть себя. Иначе я почувствую себя еще более разбитой.

Я выхожу из ванной и прячусь под одеялами.

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как я поднялась в свою комнату. Мне кажется, что позади уже целая вечность, но могло пройти всего лишь полчаса.

Я выключаю свет и поворачиваюсь к окну. На небе видна луна, и ее тусклый свет проникает в комнату, будто хочет защитить меня от темноты, которая угрожает меня поглотить.

Мне очень хочется заснуть, чтобы боль прекратила меня мучить, но, как обычно, сон не приходит мне на помощь. А когда я слышу, что дверь в комнату открывается, уже совсем не могу сомкнуть глаз.

Это точно не моя мать. Если она и заметила, в каком расстройстве я была за ужином, то точно не сочла это заслуживающим внимания. Как всегда.

Тогда я предполагаю, что это Линда, но мгновение спустя, едва я только поворачиваюсь к двери, я узнаю в застывшей в дверном проеме фигуре Дезмонда.

Что он здесь делает?

Я краснею от одной только мысли, что он мог услышать меня, пока я была в ванной.

Я ворочаюсь в кровати и зажмуриваюсь. Мои кулаки сжимают простыню. Я слышу его приглушенные шаги по ковру и задерживаю дыхание.

– Анаис? – шепчет он. – С тобой все в порядке?

Мне хочется притвориться спящей, но я только секунду назад смотрела на него и теперь показала бы ему еще более жалкой.

Я молчу и, чувствуя себя глупой, подавленной и униженной, еле-еле пытаюсь сдержать слезы.

Боже! Я хотела бы, чтобы это был сон.

К сожалению, как только я чувствую, как прогибается матрас, понимаю, что все это наяву: Дез в моей комнате, сидит на моей постели, а я пытаюсь справиться с одним из тяжелейших кризисов в моей жизни.

– Анаис, детка... Как ты себя чувствуешь? – раздается голос Дезмонда.

Я не могу сдержать слезы и реву в подушку.

Его рука слегка касается моей спины и начинает меня гладить. Это приятно.

– Хочешь об этом поговорить? – снова спрашивает Дез.

Я судорожно мотаю головой, и он тут же спешит меня успокоить:

– Хорошо, хорошо. Не будем об этом, окей?

На мгновение я расслабляюсь и наслаждаюсь его ласковыми прикосновениями.

Я чувствую, как он ложится рядом. Между нами только одеяла, и в этот самый момент я должна велеть ему уходить, но его присутствие меня успокаивает.

Дез понимает меня.

– У меня никогда не было собственной комнаты, – начинает он, и мои слезы утихают. – Я делил комнату с другими мальчишками, и знаешь, что это значит? Ты нигде и никогда не можешь спрятаться, чтобы остаться наедине с собой.

Он замолкает, и мне становится страшно. Вдруг Дез укоряет себя за то, что вошел в мою комнату? Но затем он продолжает:

– Так я начал гонять. Бог ты мой, я участвовал в подпольных гонках. Я был малявкой, так что, конечно, не мог водить, я даже не знал, как машина устроена, но я умолял, чтобы меня брали с собой, и за некоторую работенку мне позволяли порулить.

Любопытство овладело мной.

– Что за работенка? – спрашиваю я.

Дезмонд вздыхает, и его вздох наполнен глубокой и застарелой болью. Такую же боль я выплескиваю из себя, когда меня рвет или когда я режу свое тело.

– Я торговал наркотиками, Анаис.

Я предполагала это.

– Почему тебя так завораживали те машины? Что тебе в них так нравилось?

На этот раз молчание длится еще дольше, однако почему-то я уверена, что прямо сейчас Дез уже не уйдет.

– Это была возможность покончить со всем.

– Что? – Я резко оборачиваюсь, и мой взгляд упирается в его грудь. Я поднимаю лицо, чтобы увидеть его глаза. Они чернее черного, как и само прошлое, о котором он рассказывает мне. Его рука, которая еще мгновение до этого кротко ласкала мою спину, теперь лежит на моем бедре.

– Я хотел умереть, Анаис. Но я был слишком мал и испуган, чтобы спланировать самоубийство, так что я бросался с головой в опасность, надеясь, что смерть приберет меня к рукам.

О боже! Мой язык прилип к небу, и неожиданно мне захотелось дотронуться до Дезмонда так же, как недавно он прикасался ко мне. Я кладу руку на его грудь: под моими пальцами размеренно бьется его сердце, и когда оно начинает стучать быстрее, я замираю в изумлении.

Это из-за меня?

Я сжимаю футболку Дезмонда и хочу уловить это биение. Оно мое. И если бы я была храбрее, то схватила бы его руку и положила себе на грудь, чтобы он услышал стук *моего* сердца, который отдается эхом его сердцебиению.

У каждого свой ад, и я хочу попасть в ад Дезмонда.

– Что они с тобой сделали? – тихо спрашиваю я.

– Это уже в прошлом, – поспешно отвечает он, – но твоя боль – еще нет.

Он снова говорит обо мне, однако ничего у меня не спрашивает. Дез смотрит на меня серьезным взглядом, и его черные глаза напоминают два темных омута. Сейчас, однако, они блестят уверенностью и немного придают мне сил.

– Выплесни ее, детка. Используй меня, когда и как захочешь, но больше не причиняй себе вреда, прошу тебя. Это невыносимо.

Мои глаза наполняются слезами, но на этот раз я сдерживаюсь, чтобы не заплакать.

– Да, – сдаюсь я, потому что продолжать сражаться бесполезно.

– Иди сюда, – шепчет Дезмонд, и его голос звучит так нежно...

Я тут же подчиняюсь. Я хочу почувствовать, каково это – находиться в его объятиях, и едва он притягивает меня к себе, моя спина касается его горячей груди. Да, меня по-прежнему закрывают одеяла, но я как никогда чувствую себя голой. Однако мне хорошо.

– Ты еще думаешь о гонках? – спрашиваю я.

Дезмонд глубоко вздыхает. Он знает, о чем я спрашиваю на самом деле. По-прежнему ли он так мало привязан к жизни?

– Я не знаю, – искренне отвечает он. И, несмотря на холодок, который пробегает по моим венам, я ценю его честность.

У меня сжимается сердце, я беру его руку и провожу ею по своим губам. Я чувствую, как он вздрагивает.

Я целую его пальцы, а затем произношу: «Выплесни ее, Дез. Твою боль. Используй меня, когда и как ты захочешь, но не причиняй себе вреда, я прошу тебя. Это невыносимо».

Услышав, что я повторяю его слова, он встряхивается и задерживает дыхание, а затем отодвигается от меня, и я боюсь, что он может сейчас уйти. Но проходит несколько минут, а Дезмонд по-прежнему остается здесь. Его объятие становится крепче.

– А теперь засыпай, Нектаринка, – произносит он.

– Как ты меня назвал? – переспрашиваю я.

– Твои волосы напоминают мне медовый нектар, и ты такая сладкая, – объясняет Дезмонд. – Я останусь здесь и прогоню твоих демонов.

Нектаринка... мое сердце переполняется радостью от ласкательного имени, которое он выбрал для меня. Мне нужно бы подумать о своих родителях. Если они увидят нас, случится конец света, но я поддаюсь своему эгоизму, который хочет, чтобы Дезмонд оставался здесь, со мной, защищать меня от моих монстров.

– А я твоих, Дез, – шепчу я в ответ.

Все, что я испытываю из-за этого мрачного парня, не имеет смысла, но Дезмонд обнимает меня, я прижимаюсь к нему, и больше меня ничего не волнует.

Наконец-то я засыпаю. Я не просыпаюсь даже тогда, когда чувствую, что он высвобождает меня из объятий и поднимается, чтобы вернуться в свою комнату.

С собой он унес и моих монстров.

12 Дезмонд

Есть прошлое, которое выцветает медленно, пока почти не рассеется, а есть такое, которое кажется неизгладимым и в любой момент готово грянуть снова.

Этим утром меня ждало наихудшее пробуждение. Оставить тепло тела Анаис и вернуться в свою комнату с первыми лучами солнца оказалось очень сложно. Я и представить себе не мог, насколько изумительной может быть ночь с ней. У меня никогда не было ни возможности, ни желания провести ночь с девушкой, но сегодня это случилось, без какого-либо намерения заняться сексом, а лишь с желанием быть спасательным кругом для другого человека. Я, Дезмонд Вэрд, стал выступом, за который ухватилась Анаис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.